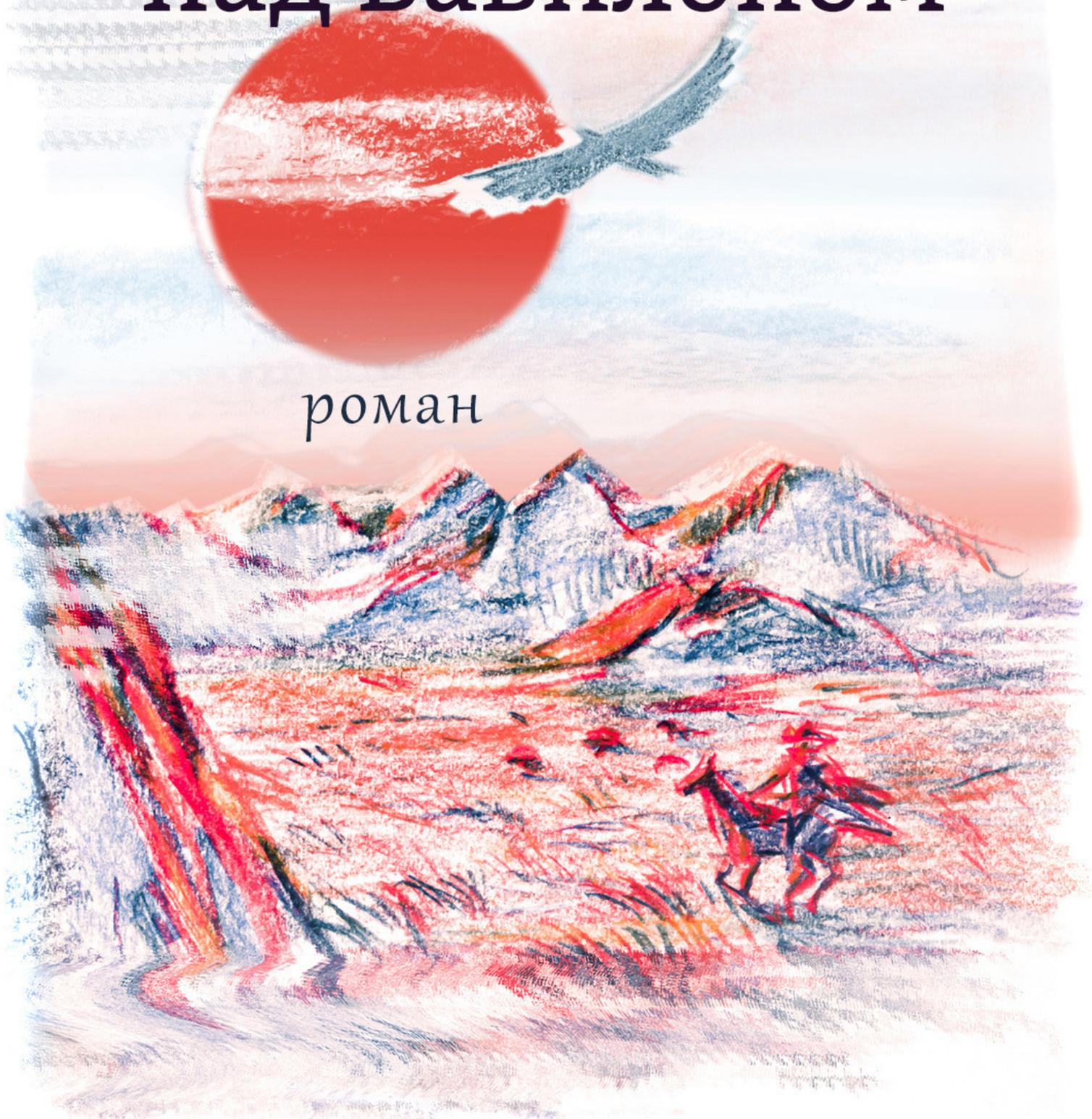

Виктор Семёнов

Рассветы над Вавилоном

роман

Виктор Семёнов

Рассветы над Вавилоном

«Автор»

2018

Семёнов В. А.

Рассветы над Вавилоном / В. А. Семёнов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-9908188-7-3

Две тысячи сто семнадцатый год. Давид Буров – частный детектив, который, кроме обычной работы сыщика, виртуозно разыскивает таланты людей, спрятанные от хозяев где-то глубоко внутри. Бурову поступает заказ на сопровождение вчерашней школьницы Карины в ее летнем путешествии и на поиск главного таланта девушки. Одновременно бывший коллега полковник Стасов просит детектива помочь полиции найти так называемых «потеряшек» – людей, которые исчезли в телепортационных механизмах, не добравшись до пункта назначения. Единственное обнаруженное на данный момент тело «потеряшки» позволяет властям сделать вывод о том, что через телепортационные шлюзы на Землю началось вторжение с планеты Вавилон-1: пришельцы используют эти транспортные ноу-хау как канал доступа, захватывая сознание людей. Сыщик не может отказать полковнику, однако в самом начале путешествия Карина ускользает из-под его пристра...

ISBN 978-5-9908188-7-3

© Семёнов В. А., 2018

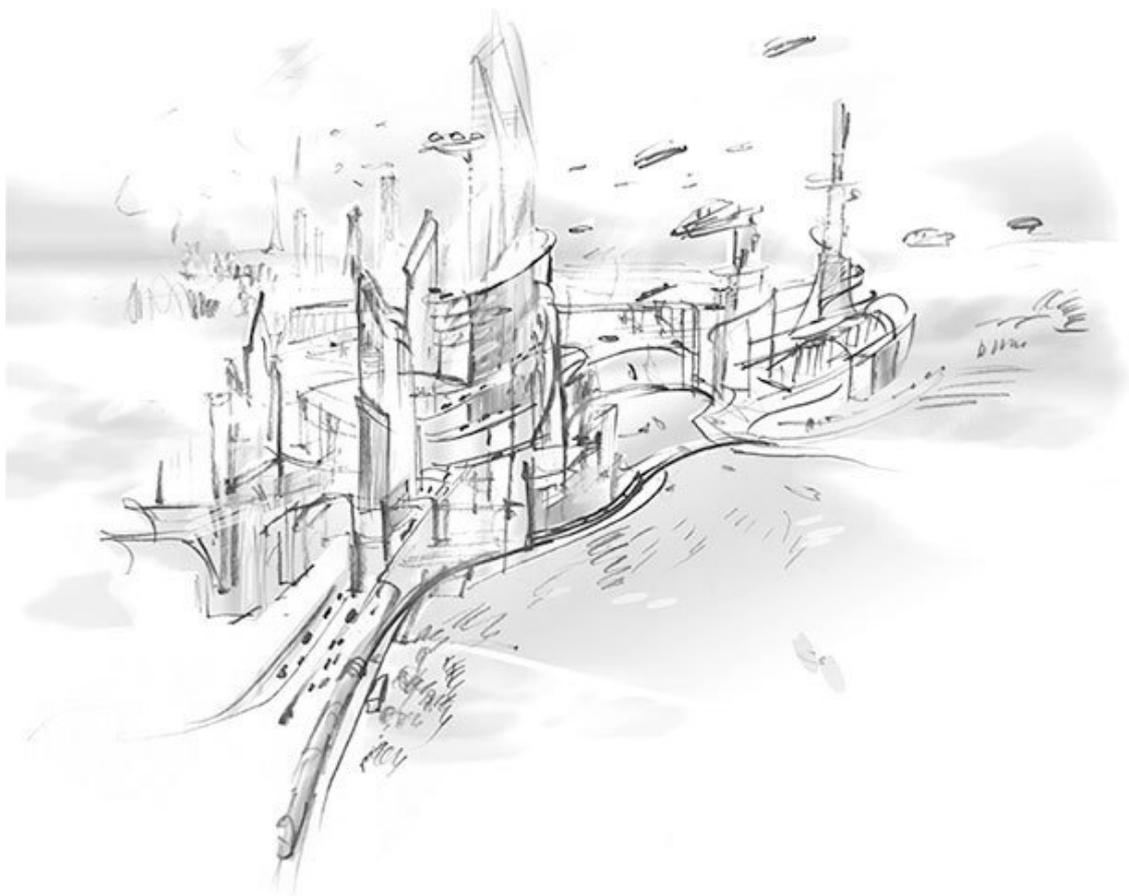
© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктор Семёнов

Рассветы над Вавилоном

Мой дорогой, уважаемый, любимый первый читатель. Ты прости, но я сразу открою тебе правду о себе, потому что иначе все это будет выглядеть очень некорректно. Спросишь, зачем извиняться? Правда не может навредить, по крайней мере, стратегически, так? Так, да не так! Дело в том, что я не человек. Меня зовут Штеффи Рауф, и я последняя из оставшихся на земле биоэнергетических систем пятого поколения. Для краткости ты же и называл нас почти всегда не иначе как БЭС. Книга, которую написал робот. Понравится ли это тебе? Особенно учитывая мою репутацию...

Я как Чингачгук – Большой Змей. Последняя из могокан. Ты знаешь, почему мы были уничтожены, но не знаешь о том, что выжила я. До сего момента не знал. Может показаться, что этой книгой я смеюсь над тобой. Мол, вот она я, живая, здоровая. Лови! Что, никак? Но нет. Речь не об этом. Я расскажу тебе историю, которая произошла одним замечательным летом года две тысячи сто семнадцатого от Рождества Христова. Историю о людях. Для меня всегда оставалось загадкой, как у вас это получается. Когда кажется, что еще пара секунд и все полетит в тартарары, вы включаете даже не пятую-шестую, а десятую скорость и вылетаете на такую орбиту, что речь уже нужно вести не о сохранении вида, а о чем-то совсем другом. Глобально другом. Теперь я, пожалуй, поняла как. Или начала понимать.

И еще одно. Я планировала писать социальную драму (ведь это так модно сейчас), но повествование сразу утекло куда-то в сторону детектива, ответвилось романтической комедией и затем огорошило меня чем-то похожим на мелодраму. Есть тут и элементы приключенческого романа... Значит, перед тобой внежанровая мозаика. Как говорится, назвалась скво – полезай в вигвам.

...А твоя жизнь, мой друг, – это приключение. Просто тебе не всегда это видно изнутри, а мне со стороны очень удобно наблюдать за тем, как ты спасаешь мир или просто пытаешься перейти 6-ю линию ВО так, чтобы тебя не прибило сосулей.

Часть первая

1

В этот раз его разбудило назойливое щебетание канарейки. Когда он только устанавливал эту систему оповещения в свою холостяцкую берлогу, то был сильно заинтригован постоянно меняющимися звуками звонка. Если сегодня из динамиков трубило стадо слонов, то завтра вполне мог чирикать какой-нибудь какаду, который не только истерически вопил, но изредка еще и ругался, набравшись плохого от своего же хозяина. Сейчас выводила трели канарейка. Буров слез с дивана и нехотя направился к двери. Щелкнул электронный механизм ключа, и перед ним предстало усталое лицо молодой женщины в странном светло-сером берете.

– Ты кто? – спросил он, опасливо рассматривая головной убор гостьи.

– Адель, – ответила девушка.

– Адель, значит, да?

Буров задумался. Лицо женщины казалось ему знакомым.

Вчера примерно в это же время его разбудил прорвавшийся через все установленные им блоки поток видеoinформации от Гарифа Фатахова. Неожиданно загорелся синим большой экран монитора, вмонтированного почти под потолок его гостиной. Спал Буров в ней же, на диване, поэтому внезапно оживший монитор практически сразу разбудил его. Огромные тихоокеанские волны около тридцати секунд бороздили экран, а затем сменились на усталое и недовольное лицо пожилого мужчины, морщинистое, загорелое лицо, обрамленное редкими седыми волосами и такой же редкой и седой бородкой. Только веселые искорки голубых, даже скорее цвета лазури, глаз говорили, что старость этого человека затронула лишь его телесную оболочку.

– Давидик... – обратилось к Бурову лицо и грустно улыбнулось, глядя куда-то между диваном, на котором он только что сел, и журнальным столиком.

На столике лежали плоский прямоугольник новейшей южнокорейской мини-книжки, пачка сигарет, пепельница, а еще гордо возвышалась опустошенная наполовину бутылка «Георга Пятого».

– Гариф Зарифович, – отозвался Буров, – от вас не спрятаться, не убежать.

– Бегущий воин – трус, Дава. Мне нужно поговорить с тобой.

– Говорите, – сказал Давид, доставая сигарету из пачки.

– Так не годится. Вопрос деликатный. Глаза в глаза.

Гариф внимательно посмотрел сначала на Давида, а затем на бутылку виски на журнальном столике. Немного подумав, он продолжил:

– Сам, наверное, заеду. Завтра. Часов в семь вечера. Согласен?

– Почту за честь, Гариф Зарифович, почту за честь, – ответил Давид.

Дождавшись, когда лицо на мониторе вновь сменится океанскими волнами, а затем и вовсе превратится в черный квадрат, он наполнил стоявший там же, на столике, бокал виски и, осушив его в три прихода, снова лег на диван и достаточно быстро заснул.

Между вчерашней побудкой от Гарифа и сегодняшним щебетом канарейки Давид просыпался трижды. В одно из таких бодрствований даже умудрился перекусить остатками позавчерашней пиццы, но каждый раз подходящая к своему логическому завершению бутылка виски неизменно возвращала его на уютный диванчик в гостиной.

А теперь вот этот комичный берет с помпоном и карие глаза, рассматривавшие его так пристально, как могут рассматривать только глаза докторов и полицейских.

– Я Адель, – повторила женщина, улыбнувшись. – Не помните? Позавчера заходила. Брошюры вам оставляла. Я из Церкви Голубой звезды Эллиона.

В голове Давида закрутились шестеренки механизма воспоминаний. Девушка действительно приходила к нему позавчера. С целью, видимо, вербовки в свою секту сунула брошюры и попыталась было прочитать вводную лекцию. Однако позавчера шел второй день, когда для Давида не существовало иных богов, кроме Бахуса, поэтому он, еще пока бодрый и словоохотливый, пригласил даму в гостиную и сам прочитал ей лекцию по какой-то странной науке, расположившейся на стыке теологии и военного дела. Женщина, едва отбившись от него тогда, проявила завидную смелость, придя снова в эту квартиру. Теперь куда менее словоохотливый хозяин широким жестом пригласил ее пройти внутрь. Адель сделала шаг, но потом, как будто испугавшись чего-то, опустила глаза, внимательно рассматривая свои черные тяжелые ботинки, которые совершенно не сочетались с беретом. Давид, обратив внимание на ее взгляд, еще раз махнул рукой, намекая на то, чтобы она не отвлекалась на приличия. Адель быстро прошмыгнула в гостиную и села на мягкое кресло напротив дивана, с другой стороны журнального столика.

– А беретними, – сказал Буров. – А лучше выкинь.

Девушка послушно стянула головной убор.

– Вы читали брошюры, которые я оставляла?

– Да, – соврал Давид.

Он посмотрел на гостью, а затем на ряд красных мигающих цифр, которые бегущей строкой перемещались по светло-серой стене гостиной, ни на секунду не давая забыть о постоянном течении времени.

– Ты чай можешь заварить? Там на кухне найдешь. С мятой. Шесть вечера, через час Гариф приедет, хоть чаем его напою.

– Вы верите в Эллиона? – серьезно спросила Адель, поднимаясь с кресла. – Ой.

Смешной берет, аккуратно лежавший на ее коленях, упал, когда девушка вставала.

– В Эллиона? – переспросил Давид. – Боюсь, что нет, милая. Я вообще человек светский, как, собственно, и все наше государство. В последнее время совершил, правда, несколько жертвоприношений Бахусу.

Он поднял с пола берет и испачканную в кетчупе брошюру и мельком пробежался по основным концепциям секты, боковым зрением наблюдая, как во всем послушная гостья направилась на кухню заваривать ему чай. Вернулась Адель минут через семь с большим блестящим цилиндром чайника и тремя чашками, а точнее кружками. На каждой из них был рисунок, связанный с определенной стороной света. Гостья села на то же место и снова обратила к Давиду сосредоточенный взгляд.

– Не наливайте пока, пусть настоится, – сказала она. Потом добавила немного обиженно: – Отдайте мне берет.

Буров протянул девушке головной убор.

– Ты кем работаешь, Адель? – спросил он.

– Я лингвист-переводчик по образованию, – после паузы сказала она.

– А работаешь кем?

– Работала в сервисном центре RTG. А потом, после массовых сокращений в две тысячи сто пятнадцатом, год без работы проболталась и в итоге устроилась официанткой в небольшой корейский ресторанчик в центре. И сейчас там. Зачем это вам? Что с Эллионом?

– RTG – это лодки? – ответил вопросом на вопрос хозяин жилища.

– Да. Высокоскоростные.

– А почему на лингвиста пошла учиться? Знала ведь, что переводчики не востребованы, везде технологии...

– Знала.

Адель хмуро посмотрела на черный прямоугольник книжки Бурова.

– Гаджеты свои врубают и думают, что всем все понятно. Хотелось мне! Нравятся языки. Нравится понимать других, – с некоторым вызовом произнесла она.

– Сколько языков знаешь?

– В совершенстве четыре. Почему вы не верите в Эллиона? Есть множество подтверждений тому, что жизнь зародилась именно там – в центре Вселенной, в недрах Голубой звезды, из божественной идеи Эллиона...

– Что за подтверждения? – поинтересовался Давид, наливая себе и гостье ароматный напиток.

– Вы не знаете? – обиженно фыркнула Адель. – Там же все написано...

Она мотнула головой в сторону брошюры и продолжила, взяв в руки «северную» чашку:

– Находки наших астрофизиков на Венере... То, что обнаружили в недрах египетских пирамид... Разве этого мало?

– У тебя дети есть? – вдруг перевел тему Давид и пристально посмотрел на гостью.

Та вновь притихла, не ожидая такого поворота в беседе. По виду ее было понятно, что допрос, учиненный хозяином жилища, пришелся ей вовсе не по душе. Однако она находилась здесь с конкретной целью и потому терпела, не очень, правда, понимая, зачем Давиду все это.

– Нет.

– А хочешь?

– Конечно. Не с кем.

– Ну слушай, это вообще не проблема в наш высокотехнологичный двадцать второй век. Могу дать тебе адрес одной клиники в двух кварталах отсюда.

– Хотелось бы как у людей.

– А Эллион что?

– Что? – не поняла Адель.

– Не запрещает иметь детей?

– Вы что! Нет, конечно! Эллион создал все сущее из идеи любви, и он только радуется, если его творения плодятся и размножаются по всей гармоничной и отзывчивой Вселенной!

– Тебе от меня что нужно? – спросил Давид, делая глоток чая. – Чтобы я на собрание ваше пришел? Или что?

– Нет, – улыбнулась Адель. – Вы хотя бы информационно к нашему сообществу присоединитесь...

Адель достала из сумочки небольшой черный матовый прямоугольник мобильного устройства.

– Рассылки будут приходить. Тогда руководство сочтет мои первые визиты к вам очень даже успешными!

– Давай так. Я подпишусь на ваши рассылки. Прямо сейчас. Но и ты для меня кое-что сделай.

Адель напряглась, почуяв неладное, и попыталась было даже привстать с кресла, но Давид поспешил успокоить женщину.

– Ты не поняла. Я не об этом. Детей делать не будем. Есть кое-какая работа. Хочу, чтобы ты ходила на часик в одно место. Город хорошо знаешь?

– Так себе. Север в основном.

– Вижу это по твоему выбору посуды, – улыбнулся Давид.

Хозяин взял в руки такое же черное матовое устройство, которое минуту назад достала из сумочки гостья. Именно эти устройства в обиходе и называли книжками за схожесть с древними электронными книгами по форме и огромному объему информации, содержащейся внутри.

– Я тебе сейчас один контакт вышлю. Мария. У нее детский центр. Как раз на севере города. Найдешь. Там дети обучаются у нее с разными речевыми отклонениями. Задержкой в речевом развитии. Что-то такое. Ей помощница нужна. Съезди. На часик. Посмотри, что да как. Прямо сейчас поезжай. У них группы до девяти вечера занимаются. А я подпишусь на твои рассылки. Мне Маша пусть сообщит, что ты у нее, и я тут же подпишусь. Сделка. Что скажешь?

Адель задумчиво покусывала нижнюю губу.

– Дети?

– Да.

Гостья подняла на Давида светло-карие глаза, засветившиеся теплом.

– Детки с задержкой речевого развития?

– Да.

– Поеду.

– Отлично. Контакт я тебе сейчас вышлю – свяжись, предупреди.

– Хорошо.

Адель встала с кресла.

– Но и вы свое обещание выполните!

– Зуб даю, – улыбнулся Давид, провожая гостью.

Через минуту Адель упорхнула из квартиры, на ходу что-то набирая в книжке.

Буров закрыл за женщиной дверь и вернулся в гостиную. Взглянул на бегущую по ее стене временную запись: восемнадцать тридцать. Оставшиеся до прихода Гарифа полчаса Давид решил использовать максимально эффективно. Нужно было принять душ и переодеться. Он зашел в ванную и на некоторое время замер, изучая лицо в отражении квадратного, с небольшой внутренней подсветкой зеркала. С той стороны на него со спокойным оптимизмом смот-

рел заросший трехдневной щетиной мужчина лет сорока с большими зелеными глазами и крупным, выделяющимся носом. Давид остановил взгляд на щетине, размышляя над тем, стоит ли ее сбривать именно сейчас, или пусть подрастет еще немного. Он выбрал второй вариант и иронично спросил у своего отражения:

– Ну что, Дава, ты в Эллиона-то веришь?

Не услышав ответа, разделся и забрался в барокамеру душа.

Гариф же был, как всегда, пунктуален и ровно в девятнадцать часов пересек порог квартиры Бурова. Он прошел в ту же гостиную и сел на то же кресло, которое не далее как тридцать минут назад занимала красавица Адель. Гариф взял берет, забытый девушкой, и, покрутив его в руках, недоуменно посмотрел на Бурова.

– Чай будете? – как ни в чем не бывало спросил у гостя Давид, и тот кивнул, согласившись с поступившим предложением.

Буров сменил белый домашний халат на джинсы и клетчатую рубашку, а Гариф, как обычно, олицетворял собой элегантность. Его классический, так и не вышедший из моды костюм-тройка великолепно смотрелся вкупе с благородной сединой волос и аккуратной бородкой. Гариф был одним из крупнейших предпринимателей города в сегменте цветочного бизнеса, имел огромное количество торговых точек и мощнейший инструментарий по доставке товара в разные концы мегаполиса. Давид автоматически налил ароматный напиток в «восточную» кружку и поставил ее перед гостем. Тот взял чай и, сделав глоток, с улыбкой посмотрел на Бурова.

– Давидик, мальчик мой, ты что хулиганишь?

Хозяин ответил гостю вопросительным взглядом, и Гариф кивнул на стоявшую под столом бутылку виски, которую Буров так и не удосужился выкинуть.

– Разве это хулиганство? – улыбнулся Буров. – Так, мозги прочистил.

– А-а. Теперь их таким образом чистят, да? Я расскажу о твоём методе своему психологу. А это что?

Гариф показал на головной убор Адель, который положил рядом с собой на кресло.

– Это берет, – ответил Буров.

– Я вижу, что берет, – сказал Гариф, разглядывая серьезное лицо Давида. – У тебя интрижка с десантником?

– Нет, Гариф Зарифович, что вы. Я не могу себе такого позволить. За полчаса до вашего появления на этом кресле сидела девушка по имени Адель, представившаяся последователем Церкви Голубой звезды Эллиона. А на самом деле она детский педагог. Прирожденный. Берет ее. Либо забыла, либо выкинула.

– Быстро срисовал?

– Да из нее лезло прямо.

– Ясно. Я к тебе, собственно, по такому же вопросу. Карину помнишь? Мою дочь?

– Помню – громко сказано, – улыбнулся Давид. – Знаю, что она у вас есть.

– Хорошо. Уже кое-что. Ей восемнадцать...

– Ух ты! – вырвалось у Бурова. – Летит времечко-то!

– Что есть, то есть. Восемнадцать отмечали в марте. В мае выпустилась из гимназии. Поступила в университет. На факультет клинической психологии...

– Ух ты! – вновь вырвалось у Давида.

– Я ей не помогал. И не мешал. Сама выбирала. Она у меня жутко умная, в голове что только не держит. Но психология? Не знаю. Говорит, нравится... Я давно думал тебя попросить с ней поработать, понять... Где, в чем ее главное направление, главный талант? У тебя действительно нюх на это. Но ты сам рассказывал мне как-то, что для эффективной работы нужно содействие клиента. Или хотя бы чтобы клиент не мешал. Правильно?

– Вроде того...

– А с ней так не выйдет... Умная очень и ершистая. Не дастся.

Гариф сделал еще один глоток чая и посмотрел в кружку.

– Вкусный у тебя чай, а! – похвалил он.

– И что вы предлагаете?

– А тут вдруг и на ловца зверь: она поступила, поэтому теперь у нее два месяца свободных. В августе в Париж просится, а вот в июле хочет в путешествие по территориям.

– По территориям... – задумчиво повторил за ним Давид.

Под территориями Гариф имел в виду местность, находящуюся за пределами центров урбанизации – городов федерального значения, которых в стране насчитывалось пятнадцать. Их возникновение и последующее очень мощное развитие было связано с изобретением в две тысячи шестьдесят седьмом году телепортационных транспортных устройств, которые позволяли людям перемещаться в пространстве за считанные секунды. Их называли вертушками: человек, заходя в этот портал (а фактически большой металлический цилиндр), начинал вращаться вместе с устройством. Но существовало одно но. Даже два. Во-первых, для перемещения из пункта А в пункт Б необходимым условием было нахождение вертушек в обеих точках маршрута. Во-вторых, и тогда, в две тысячи шестьдесят седьмом, и сегодня, спустя пятьдесят долгих лет, эти феноменальные технологические устройства, их создание и обслуживание стоили чрезвычайно дорого. Потому они возникали поочередно в рамках частно-государственной программы, так называемой дорожной карты. Первый аппарат был размещен в Москве, второй – в Петербурге, третий – во Владивостоке, четвертый – на юге, в Краснодаре... Потихоньку вертушки связали все крупнейшие города страны, предопределив их дальнейшее развитие. А пространство между ними стремительно пустело и заполнялось производственными предприятиями, сельхозугодьями и крестьянско-фермерскими хозяйствами. Конечно, на территориях оставались люди, и много. Города, поселки, деревни, хутора – все это никуда не делось, однако огромное количество населения перебралось в центры, соблазненные новыми технологическими возможностями. Ведь теперь перемещение и внутри страны, и в некоторые европейские города, и на другие континенты стало возможным без потери драгоценного времени, которое можно было использовать на более интересные дела. Но иногда имела место и обратная тенденция: из центров на территории уходили люди, уставшие от бешеного темпа мегаполисов, в каждом из которых жило более десяти миллионов человек, запутавшиеся или просто криминальные элементы, скрывавшиеся от правосудия. К тому же история, красота, природа привлекали людей, как и раньше, и путешествия по территориям стали очень популярным видом досуга среди жителей центров урбанизации. И вот одну из таких территорий и собралась посмотреть Карина.

– Именно, – ответил Гариф и поставил на стол чашку. – Именно. И я хочу, чтобы ты отправился с ней. Она едет с подружкой – Валей. На три недели. Маршрут уже разработали. У тебя будет две задачи... У тебя же лицензия полная?

– Да, – ответил Давид, – полнее некуда. И расследования, и охрана, и все доступы. Только, видите ли, в чем дело... Я уже года два как ангажирован одной крупной международной корпорацией. Большой объем задач. Чертовски большой.

– Что за корпорация?

– Гариф Зарифович... – протянул Давид, намекая на секретность информации.

Гариф же недоверчиво посмотрел сначала на Бурова, а затем на опустевшую не так давно бутылку виски.

– Значит, на это у тебя есть время, а на мою дочь – нет? – нахмурился он.

Буров промедлил с ответом, и этим тотчас воспользовался Фатахов.

– Ну вот и хорошо. Две задачи: присмотри за ней там, а то вдруг что, ну и это... Включи свою феноменальную чуйку. Прощупай. Мне кажется, клиническая психология – это, конечно, здорово, но не совсем ее... А она и сама не знает... У некоторых на поверхности талант, яркий,

выраженный, как бриллиант... А у кого-то запрятан глубоко-глубоко, копать надо... Но если в цель попал, то все – не оторвать. Да что я тебе... Сам мне рассказывал...

Давид включил книжку и проверил график на июль. И через пару минут вынес резюме:

– А что... Можно.

– Ну и славно! Рад, если Каринка с тобой будет. И мне спокойнее!

– Спасибо?

– Спасибо – двойное. Работа же двойная. Сегодня аванс тебе на счет переведу, а остаток – как вернетесь. А здесь, – Гариф достал из кармана пиджака конверт, – наличка на текущие расходы. Маршрут их перешлю тебе позже – изучи.

– Ладно. Как думаете, лучше с ней сразу поехать или по дороге прикрепитьсья?

– Как хочешь. Я ее предупредил, что без сопровождения не отпущу, она в курсе, поэтому на твой выбор. Но по мне – лучше сразу. Посмотри их маршрут, у них там поезда везде. Из Питера в Москву и далее. Я ее спрашиваю: «Почему не вертануться, дочь? Хотя бы до Москвы?»

– А она?

– А она говорит, что хочет на поезде. А иначе, мол, что это за путешествие?

Гариф поднялся, давая понять, что хотел бы завершить встречу, и Давид проводил его до дверей.

– Терпения тебе, – улыбнулся он, подавая Бурову руку. – Каринка – тот еще экземпляр!

– Справимся, – улыбнулся в ответ Давид и закрыл за гостем дверь.

Буров вернулся в гостиную, которая встретила его мигавшим светом включенного монитора. Через секунду на нем показалось милое и немного усталое лицо женщины, блондинки лет сорока.

– Мария, – улыбнулся ей Буров.

– Привет, – ответила женщина. – Сектантка твоя приехала. Работает – не оторвать. Уходить не хочет.

– Здорово, – удовлетворенно проговорил Давид. – Последи за ней.

– Хорошо, – пообещала Мария и отключилась.

Буров сел за столик, долил себе остатки чая. Поколебавшись минуту, все же подписался на рассылку, как и обещал Адель. Потом надел ее берет и в таком виде приступил к уборке квартиры.

2

Летнее путешествие девушек лишь на словах выглядело как потенциально опасное приключение (причем слова эти произносил беспокоившийся родитель Карины). Тщательно разработанный маршрут не оставлял никаких шансов попасть в переделку. Только если произойдет нечто уж совсем невероятное.

Из Петербурга в Москву девушек должен был доставить скоростной экспресс, а там через два часа они пересаживались на другой поезд, правда, чуть менее скоростной, до Казани, где предполагали сделать первую полноценную остановку, чтобы изучить город и окрестности. Далее, сев на подобный состав, подруги планировали добраться до Екатеринбурга и остановиться там тоже на несколько дней. Затем поездка приобретала автомобильный характер: девушки хотели доехать до Барнаула, а оттуда уже начать поход по красивейшим местам Алтая. В Барнауле их ждал заранее ангажированный под это путешествие проводник, который в течение двух недель обещал показать туристкам красоты феноменальной алтайской природы. Обратный путь девушки намеревались совершить через Новосибирск, который, являясь одним из транспортных центров, мигом доставил бы их домой в Петербург.

Таким образом, второго июля две тысячи сто семнадцатого года Карина и Валя зашли в высокоскоростной поезд Петербург – Москва в настроении лучшем из возможных. Во-первых, любознательных девушек ждали три недели замечательного путешествия. Во-вторых, три недели вне поднадоевшего дома и постоянного родительского внимания и контроля, вне миллионов людей, кувыркавшихся в огромных жилых комплексах и бизнес-центрах. К этим радостным мыслям добавлялось осознание того, что обе успешно поступили именно туда, куда и хотели поступить. Если Карина планировала выучиться психологии, то Валентина прошла по конкурсу в тот же университет, но только на факультет журналистики. И все это пробивало подруг до озноба, до мурашек, бежавших по их телам.

Поезд был двухэтажный, и девушки, поднявшись на второй этаж, расположились в уютных кожаных креслах, которые стояли рядами по три по обеим сторонам вагона. Место возле них осталось свободным, да и вообще вагон не был заполнен даже наполовину. Девушки устроили вещи на багажной полке над креслами и замерли в ожидании отправления. Валя сунула в правое ухо наушник и спросила у Карины, протягивая ей левый:

– Слышала новый сингл Оруэлы? Вчера вышел.

Карина молча взяла наушник и, всунув его себе в левое ухо, продолжила рассматривать перрон и шатавшихся по нему людей. Уже перед самым отправлением в вагон забежал парень лет двадцати и, осмотревшись, примостился на свободное место рядом с Валентиной.

– Тут свободно же, да? – виновато улыбнулся он.

Валя вынула наушник и вопросительно взглянула на парня.

– Что?

– Здесь свободно?

– Свободно, – усмехнулась она, – равно как и во всем вагоне...

– Валя... – остановила подругу Карина. – Пусть сидит, что ты...

Валя ничего не ответила и, вставив наушник обратно, сосредоточилась на хите. Карина же повернулась к парню и, улыбнувшись ему одновременно и губами, и красивыми, лазуритового цвета глазами, протянула руку.

– Меня Карина зовут.

– Очень приятно. Глеб.

Парень ответил ей рукопожатием и добавил, рассматривая Карину:

– Красивая прическа!

Она напряглась было, не поняв, шутил он или говорил всерьез. Она два дня назад кардинально поменяла стиль, и теперь вместо длинных черных локонов на ее голове красовался короткий ежик, выкрашенный к тому же в ярко-рыжий цвет. Но парень и не думал насмехаться, и к ней вернулась уверенность в себе.

– Спасибо! – сказала Карина, вновь улыбнувшись.

– Пожалуйста, – ответил он. – А как зовут вашу серьезную подругу?

– Она не всегда такая серьезная! Валя ее зовут.

А Валя даже не повела ухом, сосредоточившись на музыке. Волосы ее, светлые и длинные, в отличие от подруги, были заплетены в какое-то подобие дредов и болтались из стороны в сторону при любом движении тела. Ее ладную фигурку уютно облегал симпатичный спортивный костюм. Карина же отправилась в путешествие в джинсах и красивом приталенном пиджаке, в вырезе которого виднелись лучики солнца, изображенного на футболке, – такой же рыжей, как волосы девушки.

Тем временем поезд тронулся и через несколько минут набрал скорость четыреста километров в час. Но внутри вагона это практически не чувствовалось, движение казалось плавным. Глеб сыпал вопросами, Карина терпеливо отвечала, стараясь проявлять внимание к себе-седнику, присущее психологам, хотя еще не начала учиться, а Валентина, забрав у подруги левый наушник, полностью сосредоточилась на музыке.

– Куда путь держите? – первым делом поинтересовался Глеб.

Карина вкратце посвятила его в план их путешествия.

– А ты?

– К бабушке. Проведать. Сессию подзавалил. Только вот хвосты все досдал. Что там у нее?

Парень кивнул в сторону Валентины.

– Оруэла.

– А-а. Я попсу как-то не очень. Мне рок нравится. «Древесные грибы». Знаешь таких?

– Да какой же это рок? – подала голос слышавшая все, что ей было нужно, Валентина. –

Это чертов панк! Тьфу!

Она демонстративно отвернулась к окну.

– Их музыка на границе... – начал объяснять Глеб.

Его тут же прервал недовольный вопль снова развернувшейся Вали:

– Оруэла – это не попса! Оруэла – чудо! Понял?

– Чудо-юдо, – передразнил парень и обиженно нахмурился.

Роль миротворца взяла на себя будущий психолог.

– Ребята, не ругайтесь. Тем более из-за такой ерунды, – сказала Карина.

– Оруэла – это не ерунда, – не согласилась Валя.

– «Древесные грибы» – тоже, – добавил Глеб.

– Ясно. А ты где учишься? – перевела тему Карина.

– В академии. На юриста. Третий курс.

– А едешь куда?

– В Нижний Новгород. Точнее, чуть-чуть за него.

– С Казанского?

– Ага.

На этом разговор прервался, и Карина заинтересовалась маршрутом состава. Они миновали пределы города и, промчавшись мимо раскинувшейся на десятки километров промышленной зоны, только что проехали построенный сто лет назад следственный изолятор с кодовым названием «Кресты-2», на момент создания считавшийся крупнейшим в Европе. Теперь он не отвечал современным стандартам и охранялся как памятник. Все это Карина узнала из электронной карты маршрута поезда: в окно при такой скорости рассмотреть ни «Кресты», ни что-либо другое не удавалось.

– Тюряга... – буркнул Глеб.

Валентина поняла: парень собрался развлекать их. Она вынула из ушей наушники и, убрав их, внимательно посмотрела на Глеба.

– Куда ты едешь?

– В Нижний. Чуть-чуть за. К бабуле. С Казанского, – продублировал информацию парень.

– На тридцатом? В шестнадцать?

– Ага.

– Нам, кажется, его до Нижнего терпеть придется, – сказала Валя подруге, задумчиво покручивая косичку. – Он на нашем поезде едет...

– Что это значит – на вашем? – делано возмутился студент. – Может, это вы – на моем!

– Слушай... – Валя возмутилась очень даже по-настоящему. – В Нижнем же портал есть... Это Казань следующая вроде в очереди. Писали, к двадцать первому году там откроют. А в Нижнем есть! Что время тратишь? И свое, и наше теперь? Древесный гриб!..

– Валя...

Карина снова попыталась утихомирить разбушевавшуюся подругу, но парень, казалось, не очень-то переживал.

– Экономлю.

– Да ладно! – фыркнула неугомонная теперь Валя. – А как же студенческая бронь? Три бесплатных поездки в год? Ты все использовал?

Глеб впервые за недолгое время их знакомства не нашел, что ответить, и молча смотрел вперед. Но девочки не отставали от него, продолжая сверлить его лицо двумя парами красивых веселых глаз.

– Боюсь, – в итоге буркнул студент и немного покраснел от своего признания.

Валя рассмеялась было, но, увидев смущение и серьезность парня, примолкла, а Карина и вовсе не поняла, что он имел в виду. Сказала, нахмурившись:

– Чего ты боишься? Это самый безопасный вид транспорта. Я изучала статистику за последние двадцать пять лет – с момента начала работы второго, петербургского, портала. Аварийность у них минимальна. В сотни раз меньше, чем у самолетов или машин.

Глеб немного успокоился.

– Меньше, меньше... – повторил он, – меньше... Только вот есть один нюанс...

– Какой нюанс? – заинтересовалась Карина.

– Нюанс...

– Какой?

– Где они все? – угрюмо спросил у девушек Глеб.

– Кто? – не поняла Валентина.

– Жертвы. Когда самолет падает, тела где?

– Собирают по кусочкам, – невозмутимо ответила Валя, – а потом идентифицируют по ДНК.

– Верно, – подтвердил Глеб. – А когда машины сталкиваются, тогда что?

– Тогда понятно что, – держала свою линию Валентина.

– Понятно, – согласился Глеб.

Он провел рукой по своим черным, аккуратно подстриженным волосам и задал еще один вопрос.

– А когда в портале авария? Или, как они это называют, нештатная ситуация, тогда что?

– Что? – начала раздражаться Карина.

– Где они? Где пассажиры? Где тела?

Девушки задумались, а Глеб продолжил:

– Я этим в свое время очень плотно интересовался...

– Так ты что, ни разу через порталы не перемещался? – перебила его Валя.

За окном после казавшихся бесконечными лесов и редких (в основном заброшенных) деревенок мелькнула платформа Бологое, которую высокоскоростной состав проскочил не останавливаясь. Ребята так увлеклись беседой, что даже не заметили, как проехали половину маршрута.

– Ни разу, – ответил Глеб.

– И что, с детства боялся? – спросила Карина. – Там с десятков всего случаев было, насколько я знаю... И все за последние десять лет!

– Девять, – поправил девушку Глеб.

Валя и Карина уставились на парня. Потом Валя проворчала, наклонившись к подруге:

– Реально повернут: слушает «Древесные грибы» и боится вертушек.

– Я не повернут, – сказал, услышав ее реплику, студент. – Я боюсь перемещений в пространстве с помощью телепортационных устройств, потому что среди девяти пассажиров, зашедших в цилиндр портала с одного конца маршрута, но так и не появившихся с другого, был мой родной дядя. Десять лет назад он зашел в вертушку в Москве с надеждой через несколько секунд оказаться в Сингапуре, куда собирался на международную конференцию по архитектуре, но не оказался. Ни в Сингапуре, ни в одном другом городе мира, где есть эти устройства. Так вот, таким образом, у меня остался вопрос: если самолет терпит крушение над морем и не

все тела найдены, то каждому понятно, что пропавшие без вести в данном случае приравниваются к погибшим. Если машина или аэрокар падают в воду или какое-нибудь ущелье, куда невозможно добраться, – ситуация, по сути, та же. А тут что?

Глеб вызывающе посмотрел на девушек, которые с интересом слушали рассуждения парня.

– Где его тело? И где его сознание, что тоже немаловажно? Пропало без вести?

– Получается, что так... – не нашла ничего иного Валя.

– Да, – неожиданно согласился Глеб, – де-юре это так. А де-факто? Никто не знает. И даже версий правдоподобных нет... Самая правдоподобная – исчезнувшие в порталах отправляются напрямик в голубые чертоги Эллиона и, сидя от него по правую руку, смотрят на нас, грешников, с вершин своего небесного бытия.

Студент вдруг засмеялся. Девушки, немного переварив сказанное, тоже повеселели.

– Я читала это в брошюре, которую подсунули моей маме, – улыбнулась Валя.

Из тройки кресел с другой стороны вагона на Глеба посмотрели два очень любопытных глаза. Глаза принадлежали пожилому хмурому джентльмену с зачесанными назад абсолютно седыми волосами, блестящими в лучах успевавшего проникать в окошко поезда солнца от какого-то, по-видимому, лечебно-восстановительного геля, нанесенного на них не так давно достаточно толстым слоем. Джентльмен спросил, чуть-чуть картавя:

– Вы в суд обращались, молодой человек?

– Сестра моя двоюродная обращалась. Дочка дядина.

– И что? Присудили компенсацию?

– Какое там! – выкрикнул Глеб. – В Москве портал – собственность частно-государственного партнерства, принимающего иски по праву нашей страны. В Сингапуре портал – собственность южнокорейского частного конгломерата. Сеструха на наших подает – те отбиваются. Мы ни при чем, мол, это та сторона не приняла, у нас никаких форс-мажоров не было. И прикладывают записи всех бортовых приборов.

– А те?

– А на тех даже непонятно, куда подавать. Юристы год разбирались... В Сингапуре арбитраж отправляет в Южную Корею, а там тыкают в устав и договор на эксплуатацию, а в нем отдельный пункт: все споры решаются в Лондонском международном третейском суде. Она туда, а там очередь на два года. Ну и все. У нее и пыл иссяк, и деньги на все это закончились...

– Печально... – еще сильнее нахмурился седовласый джентльмен.

Впрочем, через секунду морщины на его лбу разгладились: проводница покатила по вагону пластиковый контейнер с напитками.

– Мне еще кальвадоса, милочка! – попросил старик.

Проводница, остановившись, изучающе посмотрела на него. Потом рывкнула:

– Вы уже брали!

– Брал, – пискнул джентльмен. – И еще хочу!

– Бесплатно – только один стакан! Хотите еще – покупайте!

Седовласый джентльмен глубоко задумался над ее предложением, а проводница, так и не дождавшись ответа, направилась в конец вагона. За окном не замеченная ребятами пронеслась Тверь.

Карина молчала, находясь под впечатлением от рассказа Глеба. Валя снова достала наушники, сунула было в уши, но, не выслушав и тридцати секунд зажигательного пения Оруэлы, окончательно убрала гаджет в рюкзак и вновь посмотрела на парня.

– Ты на Казанском будешь ждать?

– Нет, хотел прогуляться. Два часа есть.

– Давай с нами на аэрокаре... Полетаем, город посмотрим...

– Что вы там не видели? – удивился Глеб.

– Попросим немножко над Москвой полетать... Поглазем... Каринка, ты в Москве давно была?

– Очень, – ответила все еще задумчивая Карина. – В детстве с папой.

– Ну вот... И я давно... Лет семь назад была... Не, ты как хочешь, конечно, а мы с Каринкой аэротакси возьмем.

Глеб буркнул что-то неразборчивое.

– Что? – переспросила Валентина.

– Я с вами поеду, то есть полечу.

– Отлично, – невозмутимо сказала Валя, покручивая косичку. – И дешевле будет... На троих-то...

Глеб улыбнулся. Рационализаторское предложение внесла Валя, хотя для нее с подругой финансовый вопрос, несомненно, стоял менее остро, чем для самого студента. Остаток пути ребята ехали молча, каждый думал о своем. Вновь они разболтались только на перроне, уже выгрузившись из поезда. Внутри здания вокзала компания направилась было к компьютерной стойке аэротакси, но, не пройдя и двадцати метров, уперлась в крупную фигуру мужчины, поджидавшего выходящих с перрона пассажиров.

– Такси, ребят, – предложил он, оглядев компанию.

Голос мужчины, низкий и звучный, мгновенно привлек к себе внимание девушек и парня.

– А лицензия у вас есть? – спросила Карина, подозрительно глянув на пилота.

– Конечно, – улыбнулся тот, явив свету белоснежные зубы.

– У нас два часа до поезда с Казанского. Покатаете над городом?

– Да не вопрос! Вообще не вопрос! Полетели.

И через пару минут ребята, поднявшись на верхний ярус парковки, забрались в аэромобиль, желтый, с аккуратными черными шашечками такси. Глеб и девочки сели на пассажирские кресла в задней части машины, пристегнулись, и мужчина, заведя мотор, тихонечко выехал с парковки. Оказавшись на прямом взлетном отрезке длиной метров в тридцать, он без труда поднял аэромобиль в воздух и, через сорок секунд достигнув высоты в триста метров, направил его в сторону Московского Кремля.

3

Давид сидел в кафе внутри Казанского вокзала и ждал поезд. До отправления оставалось пятнадцать минут, и он спокойно допивал кофе, параллельно просматривая новости, бежавшие по блестящему экрану книжки. За предыдущие пять минут он умудрился вычитать, что маленький анклав Урото, расположенный внутри анклава Лесото, расположенного, в свою очередь, внутри Южно-Африканской Республики, получивший независимость несколько лет назад путем проведения референдума среди десяти местных племен, опять стал частью Лесото и новая власть в лице президента Учумвы была ближе к тоталитарной, чем предыдущая. Что там же, на африканском континенте (только на этот раз в Сенегале), опять совершена попытка вооруженного государственного переворота. Что на территории отдельно взятой нидерландской провинции были легализованы браки с птицами. Что Филипп Киркоров начинает турне по стране с шоу «Я, снова я и Ирен» в честь своего столетия со слов благодарности главному врачу клиники геронтологии и трансплантологии Василию Чуку.

Выругавшись, Буров открыл информацию о Карине, которую ему, поворчав немного, все же скинул ее заботливый отец. В сообщении, присланным Гарифом за несколько дней до начала путешествия дочери, было следующее: «Дава, ты прости мой русский, да и татарский мой прости, я все же тот еще говорун и сказитель. Девочка моя – человек серьезный и обстоятельный, но и посмеяться любит, если что. Но чувство юмора у нее больше в маму, я могу

полчаса над каким-нибудь анекдотом размышлять, пока пойму, в чем соль. Поначалу биологией интересовалась, у нас, слава богу, участок большой – было где развернуться. Кустики да цветочки сажала. Потом рисование. Все сидела чертила-вычерчивала. Ну а потом шарады. Ребусы. Ими до сих пор увлекается. Вот и все хобби. В школе математика лучше всего, программирование – неплохо, обществознание – тоже. Остальное на четыре. Но психологию сама выбрала, повторяю. Короче, я тебе говорил, задача не из простых. Думай, Давидик, думай. Хуш, унышлар сина¹, друг мой».

Минут за пять до отправления состава Давид зашел в свой вагон, который одновременно являлся и вагоном путешественниц, и не обнаружил ни Карины, ни ее подруги. Буров пробежался по соседним вагонам в поисках куда-то запропастившихся девчонок, но не нашел их и там. Он вернулся в вагон, с которого начал, и, не увидев там ничего нового, сошел на платформу, так как поезд все-таки тронулся в сторону Казани. Немного постояв на перроне, Давид вернулся в кафе и заказал себе еще кофе. Лицо его не выражало обеспокоенности, да ее у Бурова, собственно говоря, и не было. За двадцать лет практики он становился участником совершенно разных ситуаций, в том числе и форс-мажорных, и эта конкретная ситуация не была, с его точки зрения, не то что форс-мажорной, но даже и близкой к тому по одной простой причине. За день до отбытия Карины и Вали на территории Давид позвонил Гарифу и попросил его пристроить к Карине жучок – электронное устройство, постоянно сигнализирующее о ее местонахождении.

– Давай два, – ответил ему Гариф.

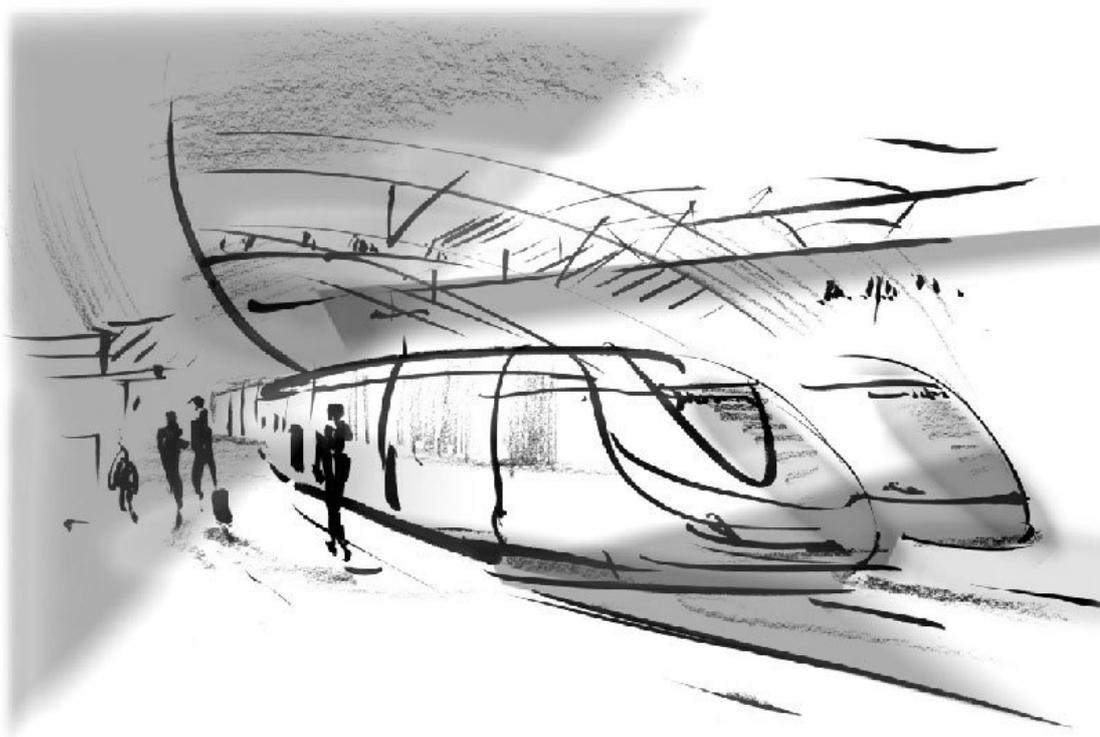
Буров даже растерялся от такой заботы о дочери.

– Зачем два? – спросил он.

– На всякий случай. Один в джинсы вошьем. А второй куда?

– Давайте в обувь.

– Точно! В кеды.

¹ Пока, удачи тебе (тат.).

Дело было сделано, и сейчас, отпив ароматного колумбийского кофе, Давид открыл книжку и запустил программу, отслеживающую местонахождение жучков. Через минуту на экране появилась картографическая сетка, где ярко-красным светились, практически сливаясь в одну, две точки сопровождавшей Карину электроники. Буров внимательно всматривался в экран, наблюдая за происходящим на нем, а затем, сделав еще один глоток, увеличил картинку. Минут, наверное, пять он молча анализировал увиденное, а потом, убрав книжку в сторону, проговорил тихо, разглядывая дно кофейной чашки:

– Ну что, Дава, что скажешь? А что тут скажешь... Абсолютно ясно следующее. Во-первых, она в аэромобиле. Это понятно по траектории и скорости движения точки. А во-вторых? А во-вторых, аэромобиль этот возвращает ее в Питер.

– Вы что-то хотели? – спросила у Бунова проходившая рядом с его столиком официантка. – Кофе еще?

– Нет, спасибо. Счет лучше. Пора мне.

– В Казань? – спросила девушка.

– Нет, не в Казань. В Питер, похоже.

– Вы же говорили, только что оттуда!

– Говорил. Город такой – не отпускает.

Буров вышел на парковку и, заказав аэромобиль, полетел к расположившемуся в двадцати километрах от вокзала телепортационному узлу, рассчитывая максимально быстро вернуться в Петербург и уже с той стороны догнать ускользнувшую от его надзора беглянку. Аэротакси домчало его минут за десять. Вообще, считалось, что так перемещаться по городу удобнее всего: воздушное пространство над ним было открыто только для общественного транспорта – такси и аэробасов, – поэтому все происходило достаточно четко и быстро. Частникам же по старинке оставалась исключительно земля, взлетать им разрешалось лишь за пределами городов. Таким образом, через пятнадцать минут Давид вышел из вертушки уже на территории Санкт-Петербурга. Здание, в котором размещался портал, находилось в самом центре, недалеко от Смольного собора. Буров тут же сверился с книжкой, которая отслеживала перемещения Карины, и увидел, что две красные точки замерли где-то в районе Бокситогорска.

«И что вас туда понесло?» – подумал Давид.

– Может быть, «кто», Дава? Может быть, их кто-то туда понес? – спустя несколько секунд ответил он сам себе вслух, но так же тихо, как и в кафе. – Зачем кому-то забирать двух девушек в самом начале их путешествия и везти куда-то, прости господи, в Бокситогорск? Какова может быть цель? Или девицы водили за нос по поводу маршрута, а, Давид?

Бормоча все это себе под нос, он побежал к находившейся недалеко станции парковки воздушных такси.

Из аэромобиля на Давида, ухмыляясь, посмотрел молодой совсем еще парень-таксист, одетый в потрепанную временем или модой черную кожаную куртку и клетчатую кепку, как будто переместившуюся на его голову из глубины веков. Буров сел на одно из пассажирских сидений и сказал:

– Добрый день, уважаемый. В Бокситогорск бы...

Пилот сменил ухмылку на простую и красивую улыбку (хотя по логике должно было быть наоборот) и ответил Давиду несколько странно:

– А вы знаете, что никакого Бокситогорска не существует?

Давид молча посмотрел на пилота, а затем вновь сверился с координатами беглянок в книжке. А там красные точки опять пришли в движение и, покинув Бокситогорск, двигались в сторону деревни Анисимово.

– Думаешь, не существует? – задумчиво переспросил Давид, наблюдая за синхронным движением точек.

– Думаю, – подтвердил пилот. – Существует исключительно наше весьма субъективное представление о нем.

– Знаешь что? – спросил у него Давид.

– Не-а. Что?

– Не надо в Бокситогорск. Тем более его и не существует, как ты говоришь.

– А куда?

– Давай на аэростоянку на Энергетиков.

– Что так?

– На своей полечу. С твоим отношением к Бокситогорску лучше я сам... – рассмеялся Давид.

Пилот немного расстроился: ясное дело, перемещение до Бокситогорска было для него гораздо выгоднее, чем полет до указанного Давидом места. Но спорить не стал, гордость его взяла верх над предубеждениями и жадной наживы. Водитель, подняв свой аппарат в воздух, направил его на юго-восток. И через семь минут выгрузил Бурова именно там, где он и просил это сделать.

Черный немецкий аэромобиль детектива еще каких-то пять лет назад считался шедевром аэромобилестроения, но сейчас был уже старомоден. Впрочем, для Давида это значения не имело. Не растеряв ни внешней привлекательности, ни скоростных данных, машина оставалась очень качественной и хорошей игрушкой для такого большого мальчика, как он. И Буров, не тратя более ни минуты драгоценного времени, забрался внутрь своего аппарата и, включив программу диагностики рабочего состояния механизма, закрыл глаза, выбросив из сознания все лишние мысли и эмоции. Через три минуты программа выдала на темный экран бортового компьютера злобное сообщение о необходимости замены правого заднего механизма выдвижения колес.

– Сделаю, сделаю... – буркнул ей в ответ Буров, – но только давай не сегодня...

Он плавно вывел машину на полосу ускорения и, через несколько секунд оказавшись на высоте ста двадцати метров, направился в сторону городской границы. Полет его над территорией Петербурга носил противозаконный характер, поэтому он как можно скорее стремился оказаться за пределами города, хотя на случай экстренного торможения экипажами транспортной полиции у него, как всегда, нашлось бы какое-нибудь волшебное удостоверение. В течение следующих десяти минут Давид покинул территорию Санкт-Петербурга и со скоростью триста километров в час полетел в сторону двух красневших на экране его бортового компьютера точек, которые пришли наконец к состоянию абсолютного покоя в деревне Анисимово. Компьютер, синхронизированный с информацией из его книжки, выбрал кратчайший маршрут до места назначения и, отслеживая движение таких же, как и у него аэромобилей, перемещавшихся на высоте от трехсот метров до километра над уровнем моря, вел Бурова к цели с помощью автопилота. Пролетев над Бокситогорском, Давид включил ручное управление и стал потихоньку снижаться, поглядывая на раскинувшуюся посреди лесов деревеньку, через которую протекала небольшая речушка. Спустя несколько секунд он плавно посадил машину на дорогу, ведущую к Анисимову, и бортовой компьютер вновь буркнул ему что-то недовольное по поводу правого заднего выдвижного устройства. В целях безопасности Давид не стал въезжать в деревню, оставив машину в лесополосе, справа от дороги. Он взял с собой только книжку и рюкзак, в котором Бурова, как и обычно в путешествиях, сопровождали термос с чаем, небольшое количество сушеного мяса, нож, спички, теплая накидка и высокоточное спутниковое оборудование, позволяющее определять местоположение и устанавливать связь из любой точки планеты.

Деревня была достаточно крупной: дома располагались и вдоль основной дороги, и вдоль небольших грунтовых ответвлений слева и справа от нее. Людей он пока не замечал, хотя домики, деревянные, в основном одно- и двухэтажные, выглядели обжитыми. Судя по тому, что Давид видел на экране книжки, девочек занесло не в саму деревню, а за нее, чуть восточнее, поэтому он торопливо двигался к их гипотетическому местонахождению, радуясь, что никто из местных жителей так и не появился.

– Вы что, решили устроить пикник? – ворчал он.

Буров свернул в итоге направо – на грунтовку, ведущую в лес. С каждой секундой скорость его шагов увеличивалась. Сердце сжалось недобрыми предчувствиями. Через семь-восемь минут почти уже бега Давид оказался на поляне, по краям которой густо разросся папоротник. Летнее солнце поглаживало его лучами, создавая иллюзию спокойствия и безопасности. Давид снова сверился с книжкой, которая говорила ему о том, что девочки, по крайней мере Карина уж точно, находятся на этой полянке. Оторвав взгляд от экрана, он внимательно осмотрелся. Никаких девочек не наблюдалось. Погрешность прибора составляла сантиметров пятьдесят, поэтому ошибки здесь быть не могло. Буров прошел дальше, к середине этой лесной проплешины, и встал на месте, где, судя по показаниям электроники, должна была стоять Карина. Он еще раз огляделся, и почти сразу его внимание привлек небольшой холмик свежей земли, как будто кто-то что-то зарывал, причем совсем-совсем недавно.

– Что-то или кого-то? – пробормотал себе под нос Давид.

Сердце билось учащенно, но он взял себя в руки и стал раскапывать свежую насыпь.

Через пять минут активной работы Буров вытащил из не очень глубокой ямы черный полиэтилен пакета, в котором обнаружил два комплекта одежды (включая нижнее белье и обувь), не так давно находившейся на Карине и ее подруге Вале. Всё. Давид молча смотрел на находку, соображая, что делать, а потом, взяв пакет под мышку, медленно направился обратно к дороге. Ситуация все больше и больше походила на форс-мажорную. Выйдя на дорогу, он

пошел в деревню и, миновав первый от леса дом, увидел наконец местного жителя, мужика лет шестидесяти, сидевшего на скамеечке перед забором. Мужичок с интересом посмотрел на Букова и спросил, видя, что тот направляется напрямиком к нему:

– Камо грядеши?

Давид остановился от аборигена на расстоянии вытянутой руки и окинул того удивленным взглядом.

– Поляк? – наконец спросил он.

– Сам ты поляк, – получил Буков в ответ. – Я Вася Светлогоров.

– А почему разговариваешь по-польски?

– Это польский? – удивился Вася.

Судя по его не очень четкой дикции, Вася Светлогоров был немного подшофе.

– Польский, – улыбнулся Давид. – Скажи, Вася, видел ты что необычное за последние пару часов? Может, проезжал, проходил кто? Туда, по просеке...

Буков показал рукой в сторону, откуда только что пришел. Васек задумался, а потом, видимо, надумав что-то, хитро улыбнулся и посмотрел на Давида.

– Видел.

– Расскажешь?

– Нет.

– Почему? – невозмутимо продолжал диалог Буков.

– А ты уйдешь сразу, и все.

– А ты чего хочешь, Вася? Чтобы я остался? – рассмеялся Давид.

– Ну не навсегда, конечно... – смутился мужчина. – А так... По рюмочке-то можно выпить?

– По рюмочке? – задумался Буков.

– Ага... У меня самогоночка двойной очистки. Слеза! Или коньяк на рябине... Что будешь?

Вася, побряхтывая, поднялся и кивнул в сторону спрятавшегося за невысоким деревянным забором и парой яблонь дома. Давид, оглянувшись по сторонам, направился вслед за ним. Двухэтажный, старенький и очень небольшой с виду домик начинался с маленькой летней веранды, куда и пригласил зайти Букова гостеприимный хозяин. Вася кивнул на деревянную, покрытую потрескавшейся от времени зеленой краской скамейку.

– Присядь. Я мигом.

Буков присел и пристроил рядом рюкзак и вырытый десять минут назад черный пакет с одеждой девчонок. Мигом не мигом, но все-таки очень быстро на небольшом столе оказалась запотевшая литровая бутылка самогона, две рюмки, миска с вареной картошкой, лук и банка соленых огурцов. Василий налил по первой и предложил следующую сентенцию в качестве тоста:

– За встречу.

– За встречу, – согласился Давид.

Буков выпил, слегка коснувшись своей рюмкой рюмки Светлогорова, и поставил ее, опустевшую, на стол. Вдруг он осознал, что голоден. Ухватил вилкой большую картошину и потащил ее в рот, ощущая, как самогон Василия растекается по его телу теплом летнего солнышка.

– Хорош? – задал риторический вопрос хозяин.

Давид, промывав в ответ нечто утвердительное, кивнул в знак абсолютного согласия.

– Ну вот, я же говорил – хорош. У меня берут многие себе. Говорят, лучше в деревне никто не гонит. Говорят, секрет знаю... А какой тут секрет... С любовью делаю!

Он налил еще, предложив Букову выпить за удачное выступление наших футболистов на стартовавшем через несколько дней чемпионате мира по футболу. Мужчины опрокинули

рюмки, и Светлогоров продолжил монолог, скакнув от темы самогонварения к своей профессиональной занятости.

– Я ведь все, что делал, старался выполнять именно так – с любовью. Сорок пять лет отработал на заводе – аэромобили немецкие собирали – от разносчика материалов до начальника участка. Так ни одной претензии, ни одного штрафа! На пенсию уходил два года назад – всем заводом провожали. Директор часы именные подарил, под старину...

Василий кивнул на свою правую руку, на которой болтался большой красивый хронометр.

– В Бокситогорске...

– Что в Бокситогорске? – переспросил Давид, дожевывая вторую картошину.

– Завод в Бокситогорске. Чуть за. Мне удобно было ездить.

Василий еще раз обновил рюмки. Давид с огромным трудом удерживал себя в руках, чтобы не сбить Светлогорова с плавного течения мысли на выгрузку той информации, которая была необходима детективу как воздух. Он понимал, что его вмешательство может привести к нужному результату, а может, наоборот, обидеть скучающего в одиночестве аборигена. Тогда единственным возможным выходом из ситуации останутся угрозы. Эту методику Буров не любил и использовал в своей практике крайне редко. Совокупность известных ему на данный момент фактов могла, конечно, погрузить любого человека в противный туман паники. Любого, но только не Бурова, который научился не пропускать эту неприятную вязкую субстанцию в сосуд своего сознания уже за первые пять лет профессиональной деятельности – их он провел в отделе по расследованию особо важных преступлений Следственного комитета России по Санкт-Петербургу. Да и после, на детективной работе, ему часто приходилось сталкиваться с историями, леденившими кровь обывателей, но чем более сложными и страшными казались факты, тем спокойнее и расслабленнее становился Давид. Возможно, именно это и позволяло ему доводить до успешной развязки любое начатое дело. А здесь даже факты при более глубоком их анализе не выглядели очень уж устрашающими. То, что пакет с одеждой девочек оказался именно в том месте, откуда он его успешно двадцать минут назад выкопал, говорило об одном: кто-то затеял некую игру с непонятной пока целью и правилами. Может быть, это были сами девочки, а может, кто-то еще.

– Если бы кто-то был одержим желанием нанести им вред, то не одежду мы бы с тобой нашли, Дава, а их самих, не очень, правда, ясно, в каком виде, но их самих... – бормотал голос у него в голове.

Буров был полностью согласен с ворчуном и именно поэтому сидел и терпеливо слушал истории Василия, разделяя с ним трапезу. Пробило половину седьмого вечера.

– Один живешь? – спросил у Василия Буров.

– Да. Жена моя, Любка, уехала пять лет назад. К дочке своей. От первого брака. На юг. Говорила, мол, климат ей здесь надоел. А сын наш с ней все по заграницам колесит. Деньгу сшибает. Редко видимся. Да мне и хорошо одному. Привык.

Видно было, что выход этой информации из Василия произошел гораздо сложнее, чем предыдущей, поэтому Давид переключил Светлогорова обратно.

– Что делал-то? На заводе в смысле.

Василий вновь напомнил рюмочки своим зельем.

– Что-что... Сборкой занимались. Собирали машины немецкие. Давай за здоровье?

– Давай!

Мужчины выпили, и Светлогоров наконец соизволил обратить внимание на изначальный интерес Давида.

– Ты вот давеча меня спрашивал, не видел ли я чего необычного, не ходил ли кто по дороге в лес... Отвечаю: видел, ходил.

– Кто?

Давид оставался невозмутимым.

– Пряхин. Незадолго до тебя. Сначала ко мне зашел за самогоном. Я ему выдал. Он говорит: пакет дай какой-нибудь, неудобно. А у него в руках вот этот черный, который ты держишь. Я ему, мол, в свой положи... А он: не могу, это мусор, выкину сейчас, не жадничай, дядя Вася. Дал ему.

– У него лопата или что-то такое было?

– Как заходил – нет. Видимо, у забора оставил. Я выглянул из дома, когда он ушел. Он в правой руке два пакета держал – тот, что у тебя сейчас, и мой, – а в левой маленькую саперную лопатку.

– А кто он такой вообще, Вась?

– Прохин?

– Да.

– Да хороший, в общем-то, парень... В Питере живет. Здесь ему от отца дом достался, вот он и приезжает раз в полгода выпить как следует. Он таксист. Лицензия, говорил, у него общая: и на Питер, и на Москву. Но в основном в Москве работает.

– Аэро?

– Да.

– А сейчас он где?

Давид доел остатки картошки и закусил луком.

– Как где... В доме отцовском... Своем теперь. Там, посерединке...

Василий мотнул головой влево.

– Пьет?

– Я думаю, спит.

– Как? Он же только приехал?

– Ну да. Поэтому и спит. Он когда со смен прилетает, то выпивает обычно грамм двести или триста, не больше. И дрыхнет часов десять. А как проснется, так и начнет эгегей! Он у меня два литра купил. Завтра и будет оприходовать. А послезавтра снова ко мне придет.

Давид посмотрел на Василия.

– Пошли, проводишь меня к нему.

– Еще по одной выпьем – провожу, – пообещал гостеприимный хозяин.

Василий наполнил опустевшие рюмочки. Мужчины выпили, на этот раз без тоста, и, выйдя на улицу, направились по дороге к началу деревни. Пройдя метров пятьсот, Василий повернул направо (Давид вслед за ним), и почти сразу слева они уткнулись в небольшое, очень по виду старое строение, одноэтажное, из красного кирпича, над цветом и состоянием которого сильно покуражилось время.

– Вот его дом, – тихо проговорил Светлогоров.

– Твой посвежее смотрится... – улыбнулся Давид.

Деревянное жилище Василия тоже не выглядело новостройкой, но по сравнению с тем, что предстало перед ними сейчас, дом Светлогорова был великолепным примером содержания пусть и не нового здания в очень хорошем состоянии.

– Мой дом батя перекладывал. Да и я пару раз кое-что подделывал. А это прохинское жилище... – Светлогоров кивнул в сторону дома. – Как двести лет назад его прапрадед построил, так оно и стоит, не тронутое ничем, окромя времени. Зачем сейчас к нему идти? Он спит, говорю тебе.

– Разбужу.

– Крик поднимет!..

– Ничего. Вопрос к нему важный.

– Ладно, – сдался Светлогоров. – Коли делать нечего будет, заходи ко мне...

Василий посмотрел на свой красивый хронометр.

- Времени – семи нет. Я еще часа три точно не засну. Приходи.
- Хорошо, Вась, спасибо, – улыбнулся Давид.

Буров направился к двери в дом, Василий же, дождавшись, когда гость исчезнет в стареньком жилище Прохина, постоял еще минуту и побрел обратно к себе.

4

- Ты уверена? – спросила Валя, задумчиво накручивая на указательный палец правой руки прядку своих веселых дредов.
- В чем? – якобы не поняла подругу Карина.
- Ну... У тебя точно были жучки, так?
- Стопудово.
- У меня, возможно, тоже. В одежде. Мы от нее избавились, так?
- Факт.
- Теперь нас вряд ли найдет ищейка твоего папаши, да?
- А что это твой папа такой внимательный? – спросил у Карины Глеб, отхлебнув немного кофе из маленькой белой кружки.

Карина не отреагировала на вопрос парня, зато ответила Валентине:

– Найдет или не найдет – его дело, главное, мы показали им свою однозначную позицию по поводу нашего возраста. Мы уже не дети. И не надо нас обвешивать электроникой. Нужно требовать уважения к своему личному пространству.

Троица сидела в кофейне все на том же Казанском вокзале, только этажом выше, чем несколько часов ранее Давид.

– Эй, народ! – снова попытался привлечь к себе внимание Глеб. – Наш поезд, кажется, объявили...

Валя, Карина и их новый попугчик поменяли и билеты, и направление движения, чтобы запутать гипотетическую слежку, причем девочки это сделали из соображений собственной независимости, а парень из простого любопытства.

– Ну пошли, значит... – сказала, поднимаясь с места Карина.

За ней потянулись и двое других участников путешествия, и через три минуты ребята загрузились в точно такой же двухэтажный состав, какой не так давно примчал их из Санкт-Петербурга в Москву. Он тоже быстро вез их по направлению к выбранной точке маршрута, за окном же тем временем начинало темнеть: солнце садилось, так и не дав себя лицезреть сквозь мощные слои облаков и туч. По вагону прокатилась бортпроводница, разнося прессу, прохладительные напитки и закуски. Она была одета в темно-зеленую форму железнодорожной корпорации, на которой белым прямоугольником красовался бейджик, несший информацию о ее имени и фамилии. Глеб, вспомнив предыдущую, утреннюю, поездку, попросил себе кальвадоса. Проводница с надписью «Мария Степанова» на груди недоверчиво глянула на студента.

– А тебе лет-то сколько, кальвадос?

Глеб немного обиделся и достал карточку, где содержались основные сведения о его замечательной юной личности. Мария приложила ее к небольшому устройству, вмонтированному в тележку-холодильник, с которой она передвигалась по салону.

– А выглядишь моложе... – буркнула она и, вернув карту, налила ему бокал. – Вот бы и мне так...

Она перевела взгляд на сидевших рядом с Глебом девчонок и, подозрительно осмотрев каждую в порядке живой очереди, спросила:

– Будете что-нибудь?

Девушки попросили чаю и, получив два стакана, от которых тянулся ароматный пар, поставили их на появившиеся из подлокотников кресел выдвижные столики. Карина нажала

на одну из множества кнопок на том же подлокотнике, и часть столика трансформировалась в маленький экран. На нем по умолчанию возникла карта перемещения их поезда, и Карина, взглядевшись в нее, проговорила, посмотрев на Валу:

– Через Нарим идет.

Та непонимающе подняла брови.

– И что, Каринич?

– Да так... Странный город...

Нарим был самым молодым городом-миллионником. Основанный всего лишь пятьдесят лет назад, в две тысячи шестьдесят седьмом, вокруг одного из самых крупных на планете месторождений кобальта, он за считанные годы привлек к себе огромное количество жителей.

– Почему?

– Что?

– В чем странность?

– Я фотки его видела... Архитектура там, конечно, та еще...

– Ну а что ты хотела? – удивилась Валя. – Нью стайл... У нас в стране очень мало таких молодых городов...

– Девчонки, я был в Нариме.

И Карина, и Валя с интересом повернулись к Глебу. Тот же, видя, что привлек внимание девушек, немного поважничал и только через минуту продолжил мысль:

– У меня там дружок живет. Витька. Я к нему ездил в гости. Два раза. В феврале. И два года назад летом.

– И?

Валя иронично посмотрела на парня.

– Там не все так однозначно... Внешне – да, все новое. Но есть там парочка мест...

– Ты про подделки? – спросила Карина, сделав глоток уже немного остывшего чая.

– Подделки? – не понял Глеб, а потом рассмеялся, сообразив, о чем она. – Ты так это называешь... Будет время – посмотри... Это не подделки. Это – произведения искусства! Так считается...

– Какие? Огромная копия Зимнего дворца? Или Казанский кремль в виде отеля? Это?

– Или высоченные семисотметровые жилые массивы, из-за которых аэротаксисты жутко не любят там работать? – подлила масла в огонь Валентина.

– Девчонки, – устало выдохнул Глеб, глотнув кальвадоса, – старайтесь не делать выводов из информации, полученной из внешних источников. Идеальный вариант – побывать самим и затем уже, основываясь на собственных переживаниях, составить впечатление.

– Мы там останавливаемся? – спросила Карина, всматриваясь в небольшой экран.

– Десять минут, – ответил студент, – выйдем подышим... Через час будет, по-моему.

Карина еще несколько секунд вглядывалась в монитор и, наконец увидев то, что искала, проговорила:

– В двадцать тридцать.

Сверившись со временем, добавила:

– Через полчаса...

– Ну через пол, – согласился Глеб, делая еще один глоток. – Какая разница?

Карина ничего не сказала, а Валентина фыркнула в ответ на последнюю реплику парня.

– За тридцать минут много чего может случиться.

Студент молча смотрел на вчерашнюю школьницу, видимо, ожидая продолжения, а та тоже не произносила ни слова, держа интригу. И только минуты через три, когда Глеб уже оставил надежду, что она пояснит, что имела в виду, и потянулся за бокалом, на дне которого еще болталось немного напитка, Валя проговорила, задумчиво покручивая косичку:

– Можно взлететь до небес. А можно бухнуться в тартарары.

– А-а-а... Спасибо за пояснения, – ответил Глеб и допил остатки кальвадоса.

Валя сделала вид, что не очень-то оценила иронию попутчика и ехидно показала тому язык, пока он слизывал последние капельки крепкого яблочного напитка.

До Нарима состав остановился не более чем на две минуты на каком-то полустанке, а в половину девятого вечера прибыл в этот так заинтересовавший ребят населенный пункт. Большинство пассажиров дремали, превратив кресла в некое подобие коек, и вместе с их троичей из поезда вышли только двое мужчин, сидевших в самом конце вагона, видимо, с целью перекура. Перрон представлял собой что-то похожее на тоннель. Потолок у него был очень низкий, с большим количеством ламп, заливавших все пространство ярко-желтым электрическим светом.

– А где город? – удивленно спросила Карина.

– Не знаю... – обиженно протянул Глеб, – я оба раза авиасообщением пользовался, когда сюда ездил...

– Город выше, – сказал кто-то из-за плеча Глеба.

Голос был низким, очень красивым – он сразу привлек к себе внимание девушек. И Карина, и ее подруга мгновенно повернулись к Глебу, и взгляды их уперлись в лица двух мужчин, вышедших вместе с ними из вагона. Им было лет по тридцать пять – сорок. Говоривший, высокий и широкоплечий, стоял чуть ближе к ребятам. Лицо его, очень красивое, чуть загорелое, привлекало к себе внимание не меньше, чем голос, а глаза светились смехом и радостью. Его попутчик оказался чуть ниже ростом, но гораздо объемнее во всех частях тела; впрочем, светлый – немного помятый модой, а вовсе не временем – костюм не давал возможности определить, следствие это тренировок и спорта или переедания. Волосы второго мужчины растрепались, а глазки, маленькие и зеленые, бегали, как будто не так давно он совершил нечто постыдное и теперь всеми силами пытался скрыть это.

– В смысле выше? – спросил Глеб.

Голос студента прозвучал чуть более вызывающе, чем того требовали правила вежливости. Красивый незнакомец, однако, не обратил на это никакого внимания.

– Мы под землей. Видишь выход вон там?

Он показал рукой в сторону хвоста состава, где метрах в двухстах от них прямо в стене тоннеля угадывались очертания стеклянной раздвижной двери.

– Оттуда наверх на подъемнике. Там и город, – объяснил мужчина.

– А когда мы успели оказаться под землей? – не поняла Валя.

– По наклонной ехали последние минут десять. Не заметили?

Ребята промолчали, а мужчина, увидев, что его вопрос, по всей видимости, был оценен как риторический, продолжил:

– А за километр до прибытия вошли в тоннель.

– Мы разговаривали, – буркнул Глеб, – нам что тоннель, что нет тоннеля – одна фигня.

– Отсюда город не увидишь, – резюмировал красавчик. – Чтобы увидеть город, наверх надо.

Внезапно он резко повернулся к другу и вбросил в его скрывавшуюся за капельками пота на висках и бегавшими глазками систему вопрос:

– А что, Димон, пошли в город? Давай сойдем? А потом на аэротачке догоним через пару часов...

Глазки у Димона забегали еще сильнее, а красавчик тем временем обратил тот же вопрос к девчонкам:

– А вы? С нами?

Те замерли от неожиданности, зато решительные действия предпринял Глеб. Он схватил под локоть удивленно покачивавшую дредами Валентину и практически прошипел в ее адрес:

– А ну-ка, быстро в вагон!

Та дернулась было в сторону открытой двери, но красавчик, ласково улыбаясь, остановил ее фразой:

– Да погоди ты...

Валя вновь замерла, а мужчина вынул из внутреннего кармана пиджака какой-то черный прямоугольный плоский предмет и показал его девушкам. Из торца прямоугольника на ребят смотрела маленькая трубочка, немного напоминавшая указательный палец.

– Знаете, что это?

Те непонимающе молчали, рассматривая незнакомый предмет, а Глеб побледнел и отступил на шаг в сторону пока еще открытой двери поезда.

– О, ты знаешь! – все так же ласково и по-доброму воскликнул красавчик. – Я тогда расскажу девчонкам, если не возражаешь... Смотрите, хорошие, это устройство называется РГ-3. Реструктуризатор Гримберга. Версия обновленная, третья. Новинка ижевских мастеров. Во всем мире ценится. Всего лишь несколько месяцев назад поступила на вооружение в части особого назначения. Видите кнопку?

Мужчина погладил наманикюренным пальцем красный бугорок на металлической поверхности устройства. Девочки кивнули.

– Знаете, что будет, если ее нажать?

Теперь Валя и Карина выразили отрицание, а Глеб побледнел еще больше и еще на шаг приблизился к вагону.

– Ты знаешь! – продолжал улыбаться мужчина. – Расскажи им!

Студент испуганно замотал головой, переводя взгляд со спокойного красивого лица говоруна на молчавшего до сих пор толстяка с бегавшими туда-сюда глазками. Тот, как будто почуяв что-то, в первый раз вступил в разговор, огласив тоннель перрона диким, очень высоким визгом:

– А ну, говори!

Глеб в изумлении открыл рот, но почти сразу захлопнул его. Потом снова открыл и затараторил, глядя куда-то вниз, в пол:

– Если вы нажмете на эту вот красную кнопку, то, в зависимости от радиуса действия механизма, установленного по умолчанию или введенного вами заранее вручную, поток элементарных частиц, вылетевший из отверстия, превратит любое находящееся в указанном радиусе твердое тело в набор таких же вот частиц, как те, которые только что выпустил РГ-3, и растворит их во Вселенной в абсолютно хаотичном порядке.

– Умничка, – сладко пропел красавчик и навел оружие на компанию, отойдя немного назад.

Девочки стояли как вкопанные, испуганно уставившись на прибор, а Глеб, вернувший себе мужество, спросил, глядя в добрые глаза мужчины:

– Вы что, хотите нас реструктуризировать?

Тем временем голос в вагоне пригласил всех вышедших подышать пассажиров немедленно вернуться в поезд в связи с тем, что до его отправления осталась одна минута. Однако никто из находившихся в тоннеле перрона станции Нарим не побежал обратно на свое место. Валя и Карина, равно как и Глеб, замороженные черным указательным пальцем реструктуризатора, совсем не торопились вернуться в вагон, несмотря на настойчивые просьбы диктора-автомата.

– Нет, – ответил красавчик, – вовсе нет. Но сделаю это без малейшего сожаления. Если попытаетесь вернуться в поезд или начнете паниковать и звать на помощь.

– А что... нам делать? – спросила срывающимся голосом Валя.

– Ничего особенного. Поедем покатаемся по Нариму. Да, Димон?

Красавчик посмотрел на коллегу.

– Да, Павлуша! – взвизгнул тот и добавил, глядя на девчонок: – А ну-ка! Пошли к выходу! Бегом!

И троица засемила к выходу в город.

5

Давид наполнил старое жестяное ведро, найденное им в сених, холодной водой из-под крана (в доме был местный водопровод) и, пройдя в комнату, вылил его на голову спавшему Прохину. Буров привязал хозяина хаты к кровати его же собственным кожаным ремнем, предварительно снятым с его же брюк, брошенных рядом. Ведро он опрокидывал уже второй раз. Первое не разбудило Прохина, а сейчас тот немного зашевелился, открыл глаза и попытался сфокусировать взгляд на Бурове.

– Добрый вечер, – поздоровался Давид.

Перевернув ведро и устроив его рядом с изголовьем кровати Прохина, Буров сел на него. Хозяин в свою очередь ничего не ответил, а лишь подергал привязанные к железной перекладине руки, проверяя крепость узла. Кровать, древняя, как и весь дом, что удивительно, выдержала напор Прохина, и тот, успокоившись, снова посмотрел на гостя. Давид поднял с пола валявшийся там черный пакет с одеждой девчонок и повертел его перед глазами пленника.

– Как это у тебя оказалось?

Прохин молчал секунд, наверное, тридцать, а потом проговорил пересохшим от алкоголя и сна ртом:

– Дай воды...

Давид поднялся и через минуту вернулся в комнату с большой чашкой холодной воды. Несколько секунд он смотрел на Прохина, размышляя, а потом, поставив чашку на пол рядом с изголовьем, сел обратно на перевернутое ведро.

– Как это у тебя оказалось? – вновь спросил он, кивнув в сторону пакета.

Прохин закрыл глаза и повернул голову к стене, изображая гордость и предубеждения.

Давид отодвинул ведро в угол и, вытащив из-под Прохина подушку, кинул ее на пол рядом с кроватью хозяина. Затем, подумав немного, забрал и одеяло, постелил его и лег, устроившись головой на подушке. Так они и лежали в абсолютной тишине деревенского дома минут, наверное, пятнадцать, и Буров начал даже подремывать, но тут из пересохшей гортани Прохина раздалось шипение:

– Дай воды...

Звук вывел Давида из состояния полудремы.

– Как это у тебя оказалось?

– Девчонок двух и парня подвозил... – прохрипел пленник. – На Ленинградском подошли... Дай воды, будь человеком. Тяжело говорить...

Буров встал и поднес чашку к губам Прохина. Тот жадно осушил ее в три больших глотка и продолжил рассказ:

– Покатайте, просят, над Москвой. У нас, мол, еще два часа до поезда. Минут тридцать катал их. Потом на вокзал вернулись. На Казанский, правда. Там одна такая рыженькая была... Лысенькая почти... Она и говорит, подождите, мол, нас на стоянке минут пять, у нас к вам дело будет... Работа, мол... Ушли. Вернулись через десять минут. Одеты по-другому. Переоделись. Девчонки в смысле. Парень в том же... Пакет мне протягивают, вот этот... Повозите, мол, с собой... Что это, спрашиваю? Они честно ответили: так, мол, и так, родители бдительные, жучков понатыркали... За людей не считают... Денег дали... Рыжая эта... Щедрая девка. Ну я и взял пакет. А у меня смена-то как раз закончилась. Я в деревню и поехал.

– А зачем закопал?

– Не знаю зачем... Честно... Подумал, пусть в лесу будет, может, не найдут. Я-то обещал девочкам, что покатаю их жучков. А меня Васек зацепил...

– А что за парень с ними?

– Парень как парень. Студент.

– Как зовут?

– Не помню. Честно. Они его называли как-то, но у меня на имена память вообще не фурычит. Дай попить, а?

– Еще что-нибудь запомнил? Может, говорили что, пока ты их катал? Вспоминай, Прохин, а то ведь не отвяжу... Так и останешься привязанным к кровати, без самогона и воды... Что хуже-то?

Прохин нахмурился и угрюмо задышал, оценивая серьезность блефа. Притих на пару минут, а потом выдал хриплую и нервную тираду:

– Они маршрут еще поменяли! Это я четко из их разговоров понял. Говорили, что жучки снимут и маршрут поменяют. Они не дети, мол. Не надо, мол, их контролировать. Но с вокзала того же самого, с Казанского, только позже... Вот и думай... Больше ничего не говорили. Дай воды, а?

– Сам возьмишь, – сказал Давид.

Отвязав Прохина, он сделал несколько шагов к двери. В сенях остановился, задумавшись, и, вернувшись обратно в комнату, поднял с пола черный пакет с одеждой девочек и только потом покинул дом таксиста. Тот же не шевелился, внимательно наблюдая за своим странным незванным гостем. И лишь когда дверь за Давидом захлопнулась, Прохин, побрякивая, слез с кровати и, слегка пошатываясь, направился на водопой.

Буров не стал пользоваться приглашением Светлогорова, а быстрым шагом, почти бегом, устремился к оставленному перед въездом в деревню аэромобилю. Сев в него, через пару минут он с такой же оперативностью, как и в перемещениях, настроил бортовой компьютер на автопилот: полеты в вечерне-ночное время без включенного в онлайн-режиме электронного диспетчера были запрещены. Таким образом, еще через три минуты Давид потихонечку тронулся с места, выводя машину на чуть более ровную поверхность дороги, с которой было гораздо удобнее осуществить взлет; тут звонким сигналом входящего видеозвонка запищала лежавшая на пассажирском сидении книжка. Буров, практически не отвлекаясь от движения, правой рукой принял вызов, чуть прибавив звук с панели управления аэромобилем, синхронизированной с его гаджетом. Раздался знакомый еще со старой службы и давно не беспокоивший его голос теперь уже полковника Стасова:

– Дава, где ты?

– В Бокситогорске, товарищ полковник. Чуть за. В Питер вылетаю.

– Что, Бокситогорск действительно существует?

– Нет, товарищ полковник. Существует исключительно наше весьма субъективное представление о нем.

– Я тебя не вижу.

– Очки попробуй надеть, Стас.

– Не паясничай.

– Неудобно, я за рулем. Если прямо очень надо, подожди минуту, сейчас попробую переключить на бортовую камеру.

– Да не, это я так. В Питер прилетишь, зайди ко мне, а? Добро?

– Стас, тороплюсь. Мне в Москву надо. Форс-мажорик.

Давид наконец выбрал более или менее гладкую поверхность и, взлетев, направил машину на запад, а выйдя на нужную высоту, включил режим автопилотирования. Освободив руки, взял книжку и улыбнулся Стасу. Тот же в ответ нахмурил круглое, крупное, безукоризненно выбритое лицо.

– Тогда, боюсь, тебя под конвоем доставят. Над Пулковскими высотами встретят. Орлы мои. Орелики.

– Что так?

– Дело серьезное. Лично надо. Мне сам... – Стасов демонстративно показал глазами наверх, – приказал тебя подключить.

– Что значит – меня подключить?! – чуть более нервно, чем того требовал этикет, спросил Буров. – Я частное лицо. Ты мой номер идентификационный по базе проверь, там все написано.

– Ты же знаешь, друг мой, что на любое частное лицо когда-нибудь найдется некое публично-правовое образование, которое, как джокер туза, перекроет его со всеми его потрохами, червями и пиками. И в данном случае, братец, ты уж прости, но законным представителем этого образования вынужден буду выступить я. Добро?

Стасов заулыбался, а Буров, наоборот, нахмурился, вглядываясь в потемневшее, затянутое тучами небо.

– Где тебя найти? – вымолвил он после небольшого раздумья.

– Да все там же. На Литейном. Где еще?

– Ты мне тогда коридор дай. Я к тебе на служебную залечу. Скажи там, чтобы транспортники меня за жабры не взяли.

– Не вопрос! Давай в темпе!

– Простые такие, – недовольно буркнул Давид и завершил звонок.

Все оставшееся время полета до отключения автопилота уже над Петербургом Буров занимался изучением возможных альтернативных маршрутов девиц с Казанского вокзала этим и без того начинавшим казаться ему совсем не томным вечерком. Он обнаружил всего три поезда, на которые могли сесть подруги. Далее, имея доступ к базам данных железнодорожной корпорации, Давид в течение пяти минут выяснил, что пассажирка Фатахова в данный момент движется в сторону Самары.

– По крайней мере, если она действует согласно купленным билетам, – пробурчал голосок в его голове.

– Ага... – подтвердил вслух Буров.

Он начал опускаться. Внизу вырисовывались красивые очертания «Большого дома». Давид оставил машину на аэропаркинге на крыше здания и все в том же темпе, выбранном им при прощании с Прохиным, направился к входу, расположившемуся чуть правее того места, где теперь стоял его автомобиль. Пройдя внутрь, он практически сразу уперся в яркую хромированную дверь лифта и, спустившись на пятый этаж, уже через минуту оказался перед очень напряженными голубыми глазами Стасова. Кабинет полковника был разделен на две зоны: маленькая приемная, которую должна занимать гипотетическая секретарша, и непосредственно сам кабинет, также разделенный надвое длинным столом.

– Ты коньяк будешь теплый или из холодильника? – встретил Давида полковник.

Буров, сев в кожаное кресло, стоявшее справа от двери, удовлетворенно выдохнул. Все его путешествие из деревни до кабинета Стасова заняло не больше часа. Не дождавшись ответа, полковник протянул Давиду бокал с теплой коричневой жидкостью и сел напротив, оставив свой бокал на столе. Стол Стасова был абсолютно пуст, коньяк оказался единственным предметом, нашедшим там свое пристанище, явно временное.

– Товарищ полковник, зачем тебе такой большой стол? – поинтересовался Буров.

Тот нажал на что-то с противоположной стороны светло-коричневой поверхности, и из центра стола на свет божий появился моноблок, абсолютно черный и очень красивый. Экран сам выполнил функцию активации, и уже через секунду вместо черного квадрата на Давида со всей своей строгой невозмутимостью смотрели Гималайские горы.

– Красивая заставка, – улыбнулся Буров.

– Гималаи, – влюбленно произнес Стас. – Единственная серьезная горная система, на которой я пока так и не побывал.

– Все мое время... – попытался пофилософствовать Давид.

Заметив, что собеседник не настроен на разговоры на отвлеченные темы, Буров замолчал. Стасов спросил:

– Ты, конечно же, знаешь, что долбаные умники из Национальной космической корпорации считают, что на нашу планету уже около пятнадцати лет осуществляются точечные атаки?

Буров внимательно оглядел немного бледное лицо полковника и, чуть приподняв правую руку, салютуя собеседнику бокалом, сделал глоток коньяка. Стас повторил жест гостя и, пригубив напиток, поставил его на свой чудо-стол. Затем добавил уже чуть более весело:

– И практически все зарубежные коллеги наших яйцеголовых подтверждают их исследования и факты своими. Знал?

– Догадывался, – многозначительно произнес Давид.

Стас буквально впился в его лицо.

– Управляющая моего кондоминиума, – продолжил Буров. – Теперь все ясно. А я думал, ну не может нормальный, находящийся в здравом уме человек такие вещи делать. А она инопланетный монстр. Теперь все на своих местах. Она в горшки с цветами в холле по ночам нужду справляла.

– Не юродствуй, – разозлился Стасов. – Не в курсе – так и скажи. Ты когда работал следяком, у тебя же не было допуска к гостайне уровня Д?

– Нет.

– Ну тогда ты и не мог знать.

– Чего? Д – верхний уровень. Все так серьезно?

– Ботаники из НКК считают, что да. Кучу фактов наверх представили. Километры каких-то записей со своих мощнейших телескопов и прочее в таком духе. Все началось с того, что пятнадцать лет назад они обнаружили элементы жизненной активности на планете Вавилон-1, открытой всего-то за год до этого. Обнаружили. Доложили. Ну а там, – Стас показал глазами наверх, – сразу все и засекретили. А дальше черт-те что.

– Что?

– Сначала световая, затем электромагнитная активность. Потом как будто сигналы какие-то. Несколько раз в течение пятнадцати лет. И вот этот доклад – неделю назад. Оттуда к нам шпионов шлют. И двое из них на территории нашей с тобой многострадальной родины.

– И поэтому ты вызвал меня? – ухмыльнулся Давид. – Чтобы найти и обезвредить инопланетных захватчиков?

Стасов словно не заметил иронии.

– Давай сразу с тобой так условимся: я на той стороне, – он снова посмотрел на потолок, – на стороне властей. Добро? Поэтому их официальная позиция равнозначна моей. И значит, все факты, на основании которых выведены соответствующие заключения, абсолютны и достаточны для них. И для меня.

Он сделал большой глоток коньяка и Буров, глядя на это, повторил действие бывшего коллеги. Тот же продолжил, еще более спокойно и мягко:

– Оставь иронию. По крайней мере, здесь. У тебя будет много времени для нее.

Давид допил коньяк и, улыбнувшись, поставил пустой бокал на край огромного стола. Затем достал книжку и положил ее рядом, предварительно активировав изображение. На экране по своему маршруту двигался поезд Москва – Самара, на котором ехала его подопечная, по крайней мере, должна была ехать в соответствии с информацией, скачанной из базы данных железнодорожной корпорации. Давид присмотрелся к змейке, изображавшей состав. Змейка почти вплотную приблизилась к Нариму. Буров вновь перевел взгляд на Стаса.

– Я не о том. Я уже два года работаю на...

– Международный фонд Браумана Ли Купера.

– Знаешь? – улыбнулся Давид.

– А то. Большой объем. И объекты сложные. И это как раз и подтверждает правильность выбора твоей носастой персоны. Добро? На одной чаше весов какой-то частный фонд, а на другой – Родина. Что должно перевесить?

– Да я к тому же, похоже, еще и хватку потерял, – Давид кивнул на экран книжки. – Вон дочь моего клиента едет куда-то в сторону Самары, одна. А должна со мной ехать в Казань.

Сказанное не произвело на Стасова вообще никакого впечатления.

– Еще коньяк будешь? – спросил он.

Вопрос, по всей видимости, был риторическим, так как полковник, не дожидаясь ответа, встал из-за стола и вновь наполнил бокал Давида темно-коричневой ароматной жидкостью.

– Здесь, на мой взгляд, дело-то как раз не в физике, а в чуйке. Мне поручили курировать расследование в Северо-Западном округе. Я отчетываюсь напрямую перед руководством министерства. Их мнение... – он чуть запнулся о не совсем верную формулировку, – а точнее, просьба – подобрать лучших. Дава, ты один из... Но единственный с той стороны... – Стасов кивнул на улицу за окном. – Остальные – погоны.

– Пересечек не боишься?

– У каждого свой сегмент. Разброс большой. Мы не знаем даже примерно, где они.

– А что знаем?

Давид сделал еще один глоток и снова посмотрел на экран книжки. Поезд стоял в Нариме. Откуда-то из недр пространства, находившегося под огромным столом, Стасов вытащил несколько листов бумаги, соединенных между собой простой канцелярской скрепкой. Он

запустил тонкую пачку к Давиду по зеркально гладкой поверхности стола, мастерски заставив ее обойти торчавший посередине моноблок.

– Ух ты! – обрадовался Буров, разглядывая бумаги. – Как в старые времена!

– Так секретно же все. Ты сейчас прочтешь, а я все это изничтожу – как будто ничего и не было.

Давид занялся чтением. Минут через семь, изучив все пять листков, он поднял глаза на собеседника и сказал спокойно, стараясь удержать иронию:

– Ты мне выдержки из чьей-то диссертации подсунул, товарищ полковник? Поезд с моей подопечной только что покинул железнодорожный вокзал города Нарима и со скоростью сорока километров в час двинулся дальше к Волге.

Буров кивнул на экран книжки, а затем снова посмотрел на Стасова.

– В том, что я сейчас прочел, нет ни одного факта, – отрезал он. – С этим материалом работать нельзя. Умники из НКК считают, что атаки с населенной непонятно кем планеты Вавилон-1, находящейся в нашей же галактике Млечный путь на расстоянии двести световых лет от Солнечной системы, являются ментальными. Что это значит?

Стасов сделал еще один глоток напитка, который уже начал растекаться по его телу горячим французским солнышком. Голос полковника стал немного вальяжным, в нем появились отсутствовавшие ранее низкие нотки:

– Это значит, что они не физически к нам сюда проникают. Это значит, их тела, как бы они ни выглядели, остаются там, на Вавилоне. А к нам они отправляются в виде потока некой ментальной информации, своего сознания, коим, безусловно, обладают, равно как и мы с тобой.

– Хорошо. Далее ботаники пишут, что они оседают в телах людей и затем уже управляют этими телами и ведут свою подрывную шпионскую деятельность, так?

– Ага, – ухмыльнулся Стас.

– А дальше наступает апофеоз их фантазий, – Давид помахал перед полковником двумя последними листиками «диссертации». – Они говорят, что в данный момент на нашей замечательной, густонаселенной, живущей в принципе более или менее мирно планете расхаживают девять человек, сознания которых представляют собой некую инопланетную ментальность. То есть фактически они являются пришельцами с планеты Вавилон-1, так?

– Ага! – продолжал ухмыляться Стасов.

– И все девять бедолаг – это именно те, кто за последние пятнадцать лет исчез, пытаясь совершить путешествие с помощью телепортационных узлов? Долбанных вертушек, безопаснее которых транспорта нет и не будет? Потому, дескать, несчастные и не вылезли в пункте назначения? А вылезли где-то в совершенно ином месте, мало того, уже представляя собой совершенно иную сущность, так?

– Ага...

Ухмылка Стасова наконец сменилась на недовольную гримасу. Он, сделав очередной глоток, достал вторую стопку бумаг, правда, в ней их было еще меньше.

– Это бред, товарищ полковник, – проворчал Давид, поглядывая на экран книжки. – Такое впечатление, что инопланетный разум захватил мозги твоего начальства, раз оно верит в это. И твои тоже! Ты инопланетный монстр, Станислав! Ни одного факта нет.

– Не совсем так, – вновь довольно пробасил Стасов. – Ни одного факта не было. И никто им, естественно, не верил почти все пятнадцать лет. Фактов действительно не было. Но три месяца назад в Шанхае, на триста восьмом этаже небоскреба Ли Са Хоу, в апартаментах класса люкс, обнаружили тело гражданки США Барбары Доллс, исчезнувшей за восемь лет до того. Она села в вертушку на вокзале города Чикаго, штат Иллинойс, а в телепортационном узле Кейптауна, куда направлялась на международную конференцию, не вышла. Ее объявили в международный розыск и через три года признали пропавшей без вести.

– И что это доказывает? Только то, что китайские полицейские первые во всем мире нашли тело потеряшки из вертушки.

– Дослушай. Ее нашли в апреле, а опознали только неделю назад. Как было: китайцы находят тело некой женщины с документами гражданки Сингапура Аманды Ли. Делают запрос в консульство. Получают ответ: нет такой гражданки Сингапура. Не беда, берут ДНК и последовательно делают запросы во все страны в порядке своих собственных вероятностных расчетов. Знаешь же, базы в принципе открыты, но официально – по запросу. Терпеливо ждут, а им: нет такой гражданки, нет такой гражданки и так далее. США, кстати, ответили одними из первых. А у женщины две татуировки на теле, еле-еле заметны, но видны. На правой лодыжке скорпиончик и на левом плече лилия. Они давай по этим приметам шерстить всех потеряшек. И что ты думаешь? Через три месяца из США им ответили: указанные изображения являются приметам Барбары Доллс, исчезнувшей восемь лет назад в вертушке где-то между Чикаго и Кейптауном.

– А ДНК? – спросил Давид.

Стас отправил еще в одно путешествие по столу два листочка бумаги. Давид молча вытащил бумажки и углубился в их изучение. Сказал через несколько минут:

– Это не ее ДНК.

– Вот и я о том же. Более того, некоторые базы данных, да и, что греха таить, пропускные системы тоже, используют древние способы идентификации.

– Отпечатки?

– Да. И сетчатка глаза.

– И?

– Ни одного совпадения.

– А тату остались?

– А тату остались. Почти сошли на нет, но не до конца. И муж ее, вообще-то, опознал. С трудом, правда, но опознал ее тело.

– Интересно, – проговорил Давид, схватившись за свой бокал, но не отпивая из него. – А что делала Аманда Ли восемь лет, прошедшие с исчезновения Барбары?

– Аманда Ли занимала одну из руководящих должностей в «Со Хун», китайской корпорации, производящей новые высокотехнологичные формы ядерного оружия. Семь лет работала там. С две тысячи сто десятого. А год где-то болталась. Такие дела. И последнее...

Стасов вытащил еще одну бумажку и запустил ее в путешествие к Бурову.

– Что это? – спросил тот.

– Это распечатка японского TRF 5.0 за ноябрь две тысячи сто девятого. Этот прибор один из пяти на планете способен наблюдать за Вавилоном и считывать кое-какие показатели. Видишь вспышку активности?

– Да.

– Это высокочастотное электромагнитное излучение, всплеск которого был зафиксирован девятого ноября две тысячи сто девятого. Время видишь?

– Да. Пятнадцать часов тридцать две минуты.

– Ага. А теперь посмотри на посадочный талон Барбары Доллс.

Стас отправил к Давиду еще один листочек.

– Девятое ноября. Пятнадцать часов тридцать две минуты, – ошеломленно проговорил тот, подняв глаза на полковника.

– Смекаешь?

Буров некоторое время молча рассматривал листок. Потом спросил:

– Какой у меня сегмент?

– Сложный! – мгновенно отреагировал полковник. – Питер. И область.

– Мне нужны все документы на потеряшек. Слышишь? На всех!

Стасов снова поискал что-то под столом и вытащил оттуда маленькую клавиатуру. На экране черного моноблока запрыгали файлы, которые полковник переправлял Давиду.

– Дава? – Стасов виновато посмотрел на Бурова, как будто хотел предложить ему что-то неприятное.

– Что?

Тот уже углубился в книжку, изучая присланное.

– Подпишись мне в неразглашении. Все-таки уровень Д.

Стасов мотнул головой в сторону монитора, на котором открылся файл с каким-то текстом. Буров быстро пробежался по нему взглядом и поставил подпись через электронную идентификационную систему.

Буров снова проверил координаты поезда, на котором ехала Карина. Он стремительно приближался к Самаре.

– Я поехал, – сообщил Давид Стасову.

– А что? Вопросов нет больше?

– Да девчонок надо догнать. И подумать, кому передать. Так – вроде все ясно. Мотивы разве что...

– Мотивы их непонятны.

– Ну тогда какие вопросы? Найдем хотя бы одного – выясним и мотивы. И слышишь, Стас, мне надо будет осмотреть тело этой Аманды. Или Барбары. Где оно сейчас?

– В Вашингтоне. В американском центре по расследованию потенциального вторжения.

– Хорошо. С ними же есть контакт?

– Отличный. Все заинтересованы. Еще коньяка?

Стасов покосился на свой опустевший бокал и проинвентаризировал взглядом наполовину полную емкость Бурова.

– Нет. Ехать надо.

– Добро. Возьми проходку.

Стас протянул появившийся все откуда же, из-под стола, белый пластик карточки.

– Такая щедрость, – улыбнулся Давид, – королевская прямо.

Эта прямоугольная карточка давала возможность предъявителю рассчитывать на поддержку любых силовых ведомств и проникать в те двери, которые в обычном режиме оставались закрытыми для глаз.

– Да какая уж тут щедрость... Производственная необходимость.

Давид взял проходку и книжку и направился было к выходу. Бумаги, которые он только что с таким интересом читал, так и остались лежать на огромном столе Стасова.

– Дава, – опять остановил его полковник.

Буров повернулся уже у самой двери и посмотрел на Стаса.

– Где Лиза? Вы видите?

Вопрос немного смутил Бурова. Вообще, когда в стройные ряды мыслей Давида вторгались войска под предводительством бога виноделия Бахуса, то воображение его заполнялось красивым, чуть бледным лицом Елизаветы Андреевны Наумовой. С ней он впервые пересекся на последних курсах юридической академии, лет двадцать назад. За эти годы они успели пожить вместе гражданским браком, затем разойтись, когда Наумова уехала на повышение в Нарим, потом вновь сойтись и даже зарегистрировать брак в одном из соответствующих учреждений Петербурга. А потом опять разошлись, и Лиза отправилась делать карьеру в Москву.

– Нечасто, – спокойно ответил Давид. – Она в Москве.

– Она в Москве, – задумчиво повторил Стасов.

Давид вышел из кабинета и практически побежал к парковке.

6

Внутренний хронометр подсказал Карине, что прошло примерно полтора часа между моментом, когда красавчик натянул на ее глаза черную, не пропускавшую свет повязку, и тем, когда ее стянули пухлые, но быстрые пальцы второго мужчины. Некоторое время Карина просто моргала, ничего не видя, но секунд через пятнадцать зрение вернулось, и перед ее взором предстала небольшая, но уютная офисная переговорная: маленький стол, несколько стульев, экраны по стенам, а в углу оборудование для видеоконференций. Карина сидела на одном из стульев, а напротив, тоже моргая и щурясь, расположились ее попутчики и собратья по несчастью. И похитители были здесь, причем красавчик вальяжно откинулся на спинку ближайшего к входу стула, а его пухлый коллега отошел к двери и стоял там, подпирая плечом стенку. Повязки на глаза ребят наложили в автомобиле, а до того заставили переодеться, опасаясь, что в одежде молодых людей могли находиться какие-либо электронные сексоты. Валентина попыталась сослаться на то, что данная процедура уже была проделана ими некоторое время назад, но это не произвело особого впечатления на парней. Компания остановилась около санитарных узлов, и Павел задумчиво посмотрел на четыре двери, расположившиеся прямо друг за дружкой. На одной из них красовалось изображение дамы, на второй – мужчины, на третьей – инвалидного кресла, а на четвертой – матери, убаюкивающей младенца. Загадка, видимо, была не самой простой, и Паша лишь минуты через четыре раздумий озвучил решение:

– Димон, ты с пацаном и растаманкой – к инвалидам. А я с этим ежиком, – он кивнул в сторону короткой стрижки Карины, – в комнату матери и ребенка. Снимаете с себя все, слышите, все. Вся одежду, трусы, носки. Короче, полностью переодеваетесь. Всем ясно?

Молчание было ему ответом, и, приняв его за знак согласия, Павел потянул Карину в комнату матери и ребенка. Дмитрий же буркнул что-то вроде:

– Тоже мне, нашли инвалида.

Однако затем послушно зашел в туалет вслед за Глебом и Валею.

Совершив этот обряд, они быстрым шагом пошли к стоянке автомобилей, и ее – современную, строгую, но почему-то очень темную – ребята увидели в Нариме последней. А далее (Карина только предполагала это) минут через десять их пересадили в наземный автомобиль, из которого спустя значительно большее время провели в здание и, видимо, сразу в лифт, так как пешком шли совсем недолго – шагов, наверное, двадцать. Далее еще шагов десять – и вот они сидят в этой залитой электрическим светом переговорной и смотрят на испуганные лица друг друга, вальяжное красавчика и немного нервное толстяка.

– И что теперь? – срывающимся голосом произнесла Валя.

Ее слова повисли в воздухе, оставшись без ответа. Паша, даже не взглянув на вопрошавшую, направил реплику в сторону коллеги:

– Митя, сходи доложись Виктории Викторовне. Скажи, что мы на месте. И груз тоже.

– Я не люблю, когда меня называют Митей! – огрызнулся толстяк.

– А как? Дмитрий Сергеевич?

– Дима хотя бы.

– Сходишь?

– Попроси нормально.

– А я что, не нормально прошу, – завелся вдруг Паша, – не нормально?! Митей назвал! Может мне еще тебе в ноги упасть? Тогда ты сходишь?

– Не надо в ноги, – проворчал Дима. – Просто нормально и спокойно скажи: «Димон, сходи, пожалуйста, доложи обстановку Виктории Викторовне».

– Павел, – не выдержала этих препирательств Карина, – давайте я его попрошу, если вам тяжело?

Мужчины вперили в нее взгляды, а затем Дмитрий молча вышел из переговорной, хлопком двери показав свое отношение ко всему происходящему вокруг.

– А кто такая Виктория Викторовна? – спросила Карина, рассматривая рукав своей клетчатой красно-черной рубашки.

Она брала ее на случай, если в Казани им с Валею удастся проникнуть в самый модный в Евразии гранж-клуб «Ройял», но теперь после всех этих добровольно-принудительных переодеваний рубашка стала хэдлайнером ее туалета совсем в иных обстоятельствах.

– Женщина-загадка, – ответил красавчик, разглядывая маникюр на своей правой руке, – женщина-бронепоезд.

– Интересно, – пробормотала Карина.

Завершив осмотр рубашки, она продолжила изучать переговорную. Взгляд ее блуждал, прыгая с трясшегося от ужаса Глеба на Валею, которая прилагала титанические усилия, чтобы паника не выходила за пределы ее мыслей, а затем на их накачанного похитителя. Взгляд блуждал, но сознание оставалось четким и ясным. Страх, гость в такой ситуации обязательный, почему-то так и не заглянул к ней. Карина была абсолютно уверена: с ней не может произойти ничего плохого, даже несмотря на то, что она мастерски ушла от слежки, которую устроил ей любящий отец.

Дверь в переговорную открылась, в комнату вновь зашел Дмитрий и мгновенно занял такую же позу, в которой находился до того, как отправился выполнять поручение друга.

– Доложил? – осведомился Павел.

Дмитрий молчал и хмурился. На одно мгновение лицо его напомнило Карине куриную попку.

– Хорошо. Дмитрий, вы доложили Виктории Викторовне?

– Нет, – затараторил толстяк. – Виктории Викторовны нет. Она в отъезде. Срочные дела в Москве. Я доложил ее помощнику, Рори. Он скоро подойдет и распорядится по поводу размещения этих.

Дима кивнул в сторону Карины и ребят.

– Интересно, – напрягся красавчик, – интересно...

– Что?

– Интересно, а Рори закроет наши финансовые взаимодействия? Договаривались-то с Викторией Викторовной.

– Я не спрашивал, – буркнул Дмитрий.

– Естественно, не спрашивал.

– Почему это естественно? – взбунтовался толстяк. – Почему это? В этот раз ты вел все переговоры по финансам!

– В этот раз! – продолжал дразниться красавчик. – А когда по-другому было?

Дверь в переговорную открылась, и их веселую компанию дополнил невысокого роста мужчина лет сорока, одетый в элегантный черный костюм-тройку. На его маленьких ножках поблескивали такие же черные лакированные ботинки, а на голове весело раскачивалось что-то напоминавшее кок, тоже черный, с нечастыми вставками седины.

– Меня зовут Рори, – сообщил вошедший высоким голосом, как у юноши, – если кто не знает.

Он покосился на замершего у дверей Дмитрия, потом на его коллегу, все так же расслабленно сидевшего на стуле, затем внимательно рассмотрел ребят, останавливая взгляд на каждом в течение как минимум секунд тридцати. Изучив лицо Карины, он спросил:

– Ты Фатахова?

Девушка молчала, не отрывая удивленных глаз от прически Рори, а тот, так и не получив ответа в те двадцать секунд, которые, видимо, отводил для этого, сказал уже более строго:

– Милая, молчать надо, только тогда, когда Рори велит тебе молчать. А когда Рори задает вопрос, то ответ должен лететь из тебя быстрее, чем центрифуга переносит своих пассажиров. Неужели твой инстинкт самосохранения еще не развился настолько, чтобы подсказать тебе это?

– Да, я Карина Фатахова, – спокойно подтвердила девушка.

Рори удовлетворенно хмыкнул и перевел взгляд на Валю.

– А ты, по всей видимости, Смирнова? Подружка Фатаховой?

– Да, – пискнула Валя.

– А ты что за жук?

Взгляд Рори добрался до Глеба. Отвечать, однако, принялся почему-то красавчик.

– С ними был. Пришлось взять.

– Павел, дорогой мой человек, когда я захочу получить комментарий от тебя, я обращусь к тебе напрямую, минуя никому не нужную прослойку посредников. Ясность есть?

Рори говорил с красавчиком, но глаза его по-прежнему буравили бледное от страха лицо студента. Так и не услышав ответа, Рори засунул правую руку во внутренний карман пиджака и выловил оттуда что-то похожее на тот агрегат, который не так давно поблескивал на перроне в ладонях Павла, только чуть более громоздкое. Он положил устройство на краешек стола, в пределах досягаемости своей левой руки, и снова посмотрел на студента.

– Повторяю вопрос. Ты что за жук?

– Вы левша, Рори? – неожиданно отвлекла на себя внимание Карина.

Маленький, но агрессивный мужчина перевел взгляд на нее, и именно в этот момент Глеба прорвало.

– Я не жук. Я Глеб Василевич. Студент третьего курса финансово-юридической академии.

– Ты как к ним прибился? Или сами позвали? Для разврату?

Рори снова окинул взглядом девушек.

– Какое там, – пробормотал студент.

Карина принялась отстаивать их честь и достоинство.

– Мы, вообще-то, вчерашние школьницы. Это первое наше самостоятельное путешествие. А Глеб... Глеб... Просто веселый парень! И ехал туда же, куда и мы.

– И приехал, – улыбнулся красавчик.

Рори молча и укоризненно посмотрел на Павла.

– Вы лучше поясните, зачем мы здесь, – продолжила Карина, действительно не очень понимая причины их доставки сюда.

– Поясню-поясню, – пропел немного успокоившийся Рори.

Он направился было к двери, но неугомонная Карина не хотела его отпускать.

– Вы знаете, кто мой отец? – кинула она свой главный и единственный козырь.

Козырь этот пригвоздил Рори к месту и заставил развернуться на аккуратных небольших каблучках. Он впился в девушку двумя фонариками своих темных, не очень добрых глаз.

– Знаю! – взвизгнул он. – И скажу тебе даже больше! Из-за него вы здесь! Павел!

Последняя реплика была обращена к красавчику, который побежал за Рори, тотчас выскочившим из переговорной. Дима сменил коллегу на стуле.

– Что это он? – спросила Карина у оставшегося в комнате похитителя.

Тот затараторил, хотя его никто не торопил и не подгонял.

– Нервничает! Нас Виктория Викторовна наняла. А ее, наверное, кто-то из окружения твоего бати. А Рори волнуется: она уехала, а что дальше делать – ЦУ не дала. А тут еще студент

этот, – Дмитрий махнул рукой в сторону Глеба, – непредвиденный. Не распылять же его, в самом деле! Но и так оставлять нельзя.

– Что значит – нельзя? – начал возмущаться Глеб.

Его заставило замолчать появление в дверях Павла.

– Что раскричались?! А ты, – он с претензией уставился на коллегу, – ты... Получишь когда-нибудь свое! За болтовню!

– А что я... – попытался было оправдаться Дима.

Красавчик вновь перебил его:

– Нам сегодня не заплатят. Будем здесь ночевать. Сейчас Рори этих разместит и предложит нам апартаменты.

– Я не хочу здесь ночевать, – сказал Дима.

– Я тоже, – мгновенно сообщила Карина.

Павел укоризненно посмотрел на них и молча вышел из переговорной. Дмитрий проводил коллегу печальным взглядом и вновь повернулся к ребятам.

– Есть хочу! – внезапно оповестила собравшихся Валя.

– Я тоже, – не замедлил с ответом Дмитрий.

Вдруг он примолк: на пороге вновь сверкнула маленькая фигура Рори. Тот не стал заходить в переговорную, а рявкнул на ребят, стоя в дверном проеме:

– Пошли за мной, абитуриенты!

– Я есть хочу! – повторила свою сентенцию Валя.

Рори непонимающе разглядывал ее веселые дреды.

– Что? – в итоге переспросил он.

– Есть хочу! – не сдавалась та. – Кушать... Мне нужна пища. Я живой организм.

– А вы? – с тихой яростью поинтересовался Рори у остальных.

– И я бы не отказалась, – улыбнулась Карина.

– И я, – едва выговорил Глеб.

– И я, кстати, тоже, – бухнулся в лодку к ребятам Дима.

Рори, окончательно слетев с катушек спокойствия, заорал на него:

– Ты свободный человек! Иди в любой ресторан Нарима и набивай там свою утробу! Хоть всю ночь! Ясность есть? А вы...

Он перевел дух и снова посмотрел на ребят.

– Вы губенки свои закатали обратно! Сейчас придете в вашу новую резиденцию – сразу спать! Еда утром. Ясность есть? За мной, абитуриенты.

– Мы, вообще-то, студенты, – поправила Карина.

Она последовала за Рори, а за ней потянулись и остальные. Последним из переговорной вышел Дима и, пристроившись в арьергарде их маленького отряда, сопроводил их до нового места дислокации.

7

Давид догнал поезд только в Нижнем Новгороде.

Сначала Буров минут десять сидел в аэромобиле, соображая, как лучше поступить в этой немного нестандартной ситуации. Он рассматривал экран книжки, наблюдая, как ярко-красная змейка пассажирского состава ползет по электронной проекции реальной железнодорожной ветки. Прикинул, что если прямо сейчас рванет догонять поезд на аэрокаре, то толку от этого будет мало. Примерно час экспрессу осталось ехать до Новгорода, Бурову лететь же пришлось бы минимум три с половиной. Но в Нижнем Новгороде была вертушка. И Давид, решив не тратить более время, направил аэромобиль к вокзалу и в очередной за сегодняшний день раз совершил мгновенное перемещение. Однако в Нижнем Новгороде телепортационный узел

находился на другом конце города по отношению к железнодорожному вокзалу, и Давид, взяв аэротакси, в течение пятнадцати минут добрался до нужного места. До прибытия поезда оставалось сорок минут, и Буров, устроившись в ближайшей к выходу на перроны кофейне, погрузился в изучение материалов, которые ему скинул Стасов. Подошла официантка и остановила долгий взгляд на новом посетителе, практически требуя сделать заказ. Давид задумался, хочет ли он вообще чего-либо.

– Виски... – шепнул кто-то в его голове.

Не без труда, но все-таки погасив этот тлевший огонек, Буров попросил кофе. Запасы уже принятого внутрь алкоголя мешали сосредоточиться на документах, которые ему прислал полковник. Когда Давид отпускал мысли в свободное плавание, то в сознании мгновенно возникла Лиза, только теперь вместо лица он внимательно рассматривал ее грудь, как будто камера в руках какого-то неведомого оператора дернулась и съехала немного вниз. И не спешила возвращаться обратно.

– Девять, девять... – бубнил сыщик себе под нос, прыгая взглядом от одного документа к другому.

Файлов, как ни странно, тоже оказалось девять. Информация в них помещалась разная и по объему, и по содержанию, но были и общие характеристики. Например, фотографии бедолаг и некоторые биографические данные. Потеряшек Стасов упорядочил по времени произошедшего с ними. Буров углубился в чтение.

Норвежец Уле Гуно Соренсен сел в вертушку пятнадцать лет назад, в две тысячи сто втором году, в телепортационном транспортном узле Тронхейма, намереваясь через пару секунд оказаться в Порт-Луи. Он был создателем ряда предприятий, производящих высокотехнологичную смазку для беговых лыж. Вслед за ним в вертушку вошли сначала его жена, а затем и сын. Они все перемещались на остров Маврикий, чтобы провести там незабываемый отпуск, но до Порт-Луи Соренсен не добрался, пропав где-то на бескрайних просторах Вселенной. Перед несостоявшимся отпуском норвежцу исполнилось тридцать пять. Судя по фотографии, он был крупного телосложения блондином с большими умными голубыми глазами. Буров сделал глоток ароматного кофе, который совершенно незаметно для него оказался на столике, и открыл следующий файл.

В декабре две тысячи сто четвертого гражданин Соединенных Штатов Америки Клайв Барроуз попытался вернуться в Сиэтл из Нью-Йорка, куда летал на свадьбу кузины Мэрридит Шу. Попытка эта оказалась менее удачной, чем путь туда: мистера Барроуза не обнаружили в капсуле. На момент исчезновения Клайву было сорок; он занимал одну из руководящих должностей в отделе менеджмента баскетбольного клуба «Сиэтл Суперсоникс». С прикрепленной к файлу фотографии на Давида смотрел высокий подтянутый мужчина с длинными русыми волосами, одетый в толстовку с изображением спортивной команды, в системе которой работал.

Буров сделал еще пару глотков и принялся изучать следующий файл. Третьим шел соотечественник Давида, гражданин России Григорий Василевич, который пытался из Москвы добраться до Сингапура и посетить там некую международную конференцию по новейшей архитектуре. Василевич был известным в узких кругах архитектором и владельцем собственного архитектурного бюро в Москве. На момент предполагаемого путешествия ему было чуть за сорок, но на представленной фотографии он выглядел значительно старше своих лет, седые волосы и какой-то усталый взгляд сдвигали его возраст ближе к пятидесяти.

Дочитав информацию про архитектора, Давид вновь отвлекся от экрана книжки и задумчиво посмотрел на официантку. Та восприняла это как призыв и направилась в сторону клиента, мимоходом кинув взгляд на свое отражение в зеркалах за барной стойкой.

– Еще кофе? – спросила она, подойдя к Бурову на расстояние максимально возможное, учитывая правила поведения в общественном месте.

В этот момент в кофейню, где до сих пор не было других посетителей, вошла молодая женщина с дочкой лет восьми и уселась за столик рядом с Давидом. Девочка истерично рыдала, видимо, что-то требуя от мамы. Судя по всему, получить желаемое она никак не могла. Женщина же, похоже, привыкшая к такому поведению наследницы, не обращала на ее рыдания никакого внимания и терпеливо ожидала прихода официантки. А та все еще нависала над Буровым, практически касаясь большим бюстом его плеча. Давид же отвечать ей не торопился, находясь где-то глубоко в своих мыслях. Официантка повторила вопрос. Девочка продолжала захлебываться в крике, а мама ее оставалась спокойной, как сфинкс.

– Нет, милая, спасибо, – наконец понял, о чем она, Буров. Потом кивнул в сторону женщины: – Подойдите вон лучше к ним. Может, девчонке надо мороженое.

– По попе ей надо, а не мороженое, – услышала Бурова посетительница. – Сама не знает, чего хочет.

Официантка отлепилась от Давида и переместилась за столик матери с дочерью.

– Что вам? – спросила она, глядя на молодую маму.

Давид же, полностью отвлекшись от книжки, с интересом рассматривал девочку, слезы которой текли из светло-голубых глаз, как два горных ручейка с чистой артезианской водой. И она сквозь этот поток тоже поглядывала на Бурова не без толики любопытства. Давид повернулся к девочке всем корпусом.

– Как тебя зовут?

Взгляд его стал серьезным, и она притихла. Женщина заказала себе кофе, а дочке мороженое. Пауза длилась секунд, наверное, сорок, а затем девочка все-таки сдалась, произнеся:

– Карина.

– Ух ты! – обрадовался Буров. – А я тут тоже одну Карину поджидаю. Убежала от папочки своего. Постарше тебя. Тебе сколько лет?

– Восемь.

Девочка пристально смотрела на Давида.

– Ты не убегаешь от мамы?

– Нет.

– Правильно. И не надо. А то потом дяди типа меня, раздраженные и злые, будут перемещаться по стране в поисках.

– Вы не злой.

– На то есть свои причины.

Буров тоже не отрывал взгляд от девочки.

– Ты мультики любишь?

– Да, – улыбнулась маленькая Карина.

– Какой любимый?

– «Принцесса каменных джунглей».

– Я не смотрел, – признался Буров. – О чем он?

– Там девочка из леса попадает в город. А ее все пытаются поймать, потому что всем нужно ее колдовство. Она колдует природой.

– Ясно. Все там тебе нравится? Или есть что поменять?

– Принца, – без раздумий ответила Карина.

Буров полез в рюкзак и через минуту поисков выудил оттуда небольшой бумажный блокнотик, который иногда использовал в качестве записной книжки. Давид вырвал три заполненных им листочка и вместе с ручкой положил блокнот перед Кариной.

– Пиши, – строго велел он.

– Что?

– Свой вариант истории. Пиши, какой там должен быть принц. Ты же умеешь писать?

– Да, – сказала девочка и взяла ручку.

По вокзалу объявили о прибытии поезда, которого ожидал Буров, и он, рассчитавшись за кофе, направился к перрону. Кофейня провожала его абсолютной тишиной и запахом корицы. Девочка писала, мама пила ароматный капучино, а официантка угрюмо рассматривала спину уходившего сыщика. Стоянка поезда длилась десять минут, поэтому Буров с максимальной скоростью переместился к вагону, где должны были ехать девушки, и спустя две минуты все с тем же поистине олимпийским спокойствием рассматривал их места, пустые и грустные, как трибуны на матчах сборной России по футболу. Не меняя темпа, Давид устремился к проводнице, находившейся в конце вагона.

– Где пассажирки с восьмого и девятого мест? – спросил он, показывая ей белый пластик проходки.

Женщина оказалась толковой.

– Там еще и десятое освободилось. И двадцать третье с двадцать четвертым. И все в Нариме.

– Они что, взяли билеты до Самары, а вышли в Нариме?

– Я точно не поняла, как было, – затараторила Мария Степанова. – Поняла, что покурить вышли да на Нарим глянуть. Рюкзачки взяли только, ручную кладь...

– А багаж где?

Степанова кивнула в сторону выхода, где в багажной зоне располагались встроенные шкафы для крупногабаритных вещей.

– Там все. Так и лежит. Что с этим делать?

– Пусть лежит пока. На станции назначения выгрузите. А на десятом кто?

– Парень какой-то. Студент, похоже. Кальвадос просил. С ними ехал. И с ними вошел.

– И вышел.

– Ага.

– А еще двое?

– Мужики лет по тридцать пять. Один накачанный такой, типа мачо. А второй тоже здоровый, но, похоже, толстяк. Они вообще без вещей были. Вышли. До отправления секунд двадцать оставалось, я из вагона вылезла, хотела их позвать. А их на перроне и нет. Никого. Ушли. Ну я и подумала, что решили в Нариме сойти.

– А мужики эти... – Давид внимательно посмотрел на проводницу. – У них билеты куда?

– До Самары, – не задумываясь ответила Мария.

– Ясно, спасибо, – буркнул Буров и вышел из поезда на перрон.

В Нариме телепортационный узел еще не построили, и ближайшим населенным пунктом с вертушкой была Москва. Поэтому Давид, взяв аэротакси, снова полетел на другой конец города, к порталу, и, переместившись в Москву, взял еще одно такое же такси, но только уже до Нарима. Сердце Давида начинало напряженно постукивать, требуя как минимум пары часов сна, к тому же современная медицина не рекомендовала совершать более трех телепортаций в сутки, а Буров уже сбился со счета, сколько их у него накопилось за этот день. Лететь до Нарима предстояло минимум два часа, и, отогнав от себя сон, Буров занялся выяснением личностей пассажиров, сошедших с поезда вместе с его подопечной.

Эта задача оказалась весьма несложной: из базы данных железнодорожной корпорации он вытащил их имена, фамилии и идентификационные номера. Затем из закрытых полицейских источников, куда он проник с помощью так удачно оказавшейся у него проходки, а точнее ее кода, дававшего возможность войти практически в любую базу данных, он достал и более подробную информацию о них. Первым был тридцатипятилетний Павел Попов, работавший консультантом в охранном предприятии «Легион», базировавшемся на северо-западе страны. Второй же, Дмитрий Хоченков, привлек к себе большее внимание Букова, так как в его послужном списке значилась служба в органах правопорядка, а именно в особом батальоне

транспортной полиции. Уволился Хоченков из него, судя по полученной информации, только два года назад в звании капитана. Ему исполнилось тридцать семь, в настоящий момент он имел статус безработного и был зарегистрирован на бирже труда. И еще один момент заинтересовал Бурова. Если Попов оказался во всех отношениях чист, то на его друге висело два исполнительных производства: одно – неоплаченный за превышение скорости штраф, а второе – алименты.

– Дмитрий Сергеевич, – пробормотал Давид, разглядывая фотографию бывшего транспортного полицейского, – друг любезный, ты же не избежал чипирования? Как и я.

Пилот повернул голову к Давиду, подумав, что тот обращается к нему.

– Вы что-то сказали?

– Нет, – улыбнулся ему тот, – сам с собой.

– Ясно. Если будут пожелания по маршруту, говорите.

– Какие там пожелания... Главное – быстрее.

– Это не вопрос. Это мы всегда пожалуйста.

Чипирование было обязательным условием для поступления на гражданскую или военную государственную службу. В тело новоиспеченного сотрудника вводили микрочип, который в любой момент времени отправлял в центр сигналы о местонахождении человека. При увольнении прибор деактивировали, но он оставался внутри организма. Теоретически существовала возможность изъять его с помощью средств современной медицины, но операция считалась очень сложной и стоила дорого. Буров не стал ничего делать со своим жучком, когда уходил на гражданку. И возможно, товарищ Хоченков тоже предпочел не заморачиваться с этим. Но жучок было не активировать без специальной санкции, и Давид, немного поразмыслив над ситуацией, написал бывшему коллеге. Они работали вместе в Следственном комитете, и Василий еще пока продолжал трудиться на благо родного государства и частенько помогал Давиду в таких вот нестандартных просьбах, естественно, небезвозмездно.

«Васек, активируй жучка у этого деятеля», – написал Буров и следом скинул все данные Хоченкова.

«А у тебя есть санкция прокурора?» – почти сразу прилетел ответ.

Буров свое следующее письмо разбил на два.

«Конечно», – написал он сначала.

Потом добавил: «Нет».

«Это хорошо, – ответил Вася. – Я как раз в отпуск собираюсь, ты номер моего счета знаешь, тариф тоже».

И больше не тратя времени на разговоры, Давид, используя всю ту же книжку, перевел на счет Васи нужную сумму. Всего через пять минут он поймал ответное сообщение с восьмизначным кодом, который требовалось ввести, чтобы зайти на ресурс, отслеживающий полицейские маячки. В итоге еще через пару минут Буров наблюдал за небольшим красным крестиком, светившимся в самом центре Нарима.

– Уважаемый, я хотел бы уточнить адрес, который мне нужен в Нариме, – обратился он к пилоту.

Тот повернул к Давиду одно ухо.

– Улица Роберта Рождественского, дом восемнадцать.

– Не вопрос, – ответил таксист.

Давид продолжил изучать файлы Стасова.

Четвертый персонаж, исчезнувший в недрах современной молекулярной коммуникации, очень заинтересовал Бурова. Румынская актриса Энн Анеску пыталась переместиться из Бухареста в Париж, где у нее были запланированы пробы на роль фрейлины Людовика XIV в очередной экранизации исторического романа Дюма. Произошло все летом две тысячи сто десятого. Давид смотрел фильмы с этой дамой и читал несколько материалов о ней. Анеску считалась одной из самых перспективных европейских актрис, и многие говорили о том, что в скором времени она обязательно переберется в Голливуд.

Давид открыл файл с пятым потеряшкой. Жанна Обаеминге из Ганы. Она исчезла, будучи студенткой третьего курса Северо-Западного государственного медицинского универ-

ситета. Перемещалась из Каира, до которого добралась на самолете. В Африке пока построили совсем небольшое количество телепортационных узлов: в Египте, в Мавритании, на Маврикии; планировалась вертушка в Анголе. Случилась трагедия в начале февраля две тысячи сто одиннадцатого. Жанна возвращалась в Петербург на учебу, проведя на родине каникулы. Буров задумчиво рассматривал фотографии молодой, очень красивой африканки, когда голос пилота вернул его к реальности.

– Приехали, начальник, вот ваше здание.

Давид бросил внимательный взгляд на объект. Перед ним возвышалось светло-серое высотное, по всей видимости, многофункциональное здание. Буров нечасто бывал в Нариме и не очень хорошо знал город. Сейчас они находились в так называемом бизнес-квартале, застроенном в основном как раз подобными светло-серыми одинаковыми коробками.

– Начальник?

Голос пилота вновь проник в размышления Букова.

– Что?

– Вас ждать?

– Да, – улыбнулся Давид.

– Сколько?

– Не знаю. Я сообщу. Ты, главное, не маячь.

Таксист улетел, а Давид, еще раз осмотрев все, зашел в здание бизнес-центра. И прямо на пороге был остановлен весьма сурового вида секьюрити.

– Ты куда идешь? – не очень-то любезно поинтересовался он. – Закрыто все.

Буров посмотрел на время, которое отсчитывали часы над опустевшей из-за наступившей ночи стойки администратора, и увидел, что дело шло к половине первого.

– Я в гостиницу, – нашелся Давид, заметив соответствующие указатели.

– Тогда тебе не сюда, – сказал охранник, – а через подъезд. Сейчас выйдешь и налево. Там вход в гостиницу.

Давид выполнил рекомендации секьюрити и уже спустя минуту оказался перед ясным взором симпатичной девушки-администратора, которая, оглядев Букова и его скромный багаж, поинтересовалась:

– Вам на одну ночь?

– Да, будьте добры.

Девушка кивнула в сторону небольшого диванчика.

– Подождите, пожалуйста, три минутки. Я сейчас все данные заполню и вас позову.

Давид послушно исполнил ее просьбу. Не только потому, что уважал правила гостиницы, но и потому, что ему тоже требовалось это время. Нужно было кое-что поменять в действиях отслеживавшей активированный маячок Хоченкова полицейской программы. В настоящий момент, как, собственно, и три минуты назад, она показывала, что искомый объект находится в этом здании, но такая информация мало что давала Букову. Строение было огромным, к тому же, кроме опустевшего в ночное время бизнес-центра, здесь находились гостиница, несколько ресторанов и, по всей видимости, частные апартаменты. Эвакуировать всех обитателей объекта Букову не очень-то хотелось, поэтому он попытался подключить базу с поэтажными планами зданий Нарима. Фокус удался только наполовину. Строение, в котором он сейчас находился, в базе присутствовало, и он без труда открыл планы всех его этажей и помещений, но вот маячок там не включался, запрашивая новый восьмизначный пароль. Давиду пришлось снова потревожить бывшего коллегу Василия, который, вероятно, спокойно спал.

Тот ответил не сразу: видимо, действительно заснул и сон его был крепким, как у младенца. В итоге Буров все же прервал его и получил отклик, абсолютно адекватный времени, в которое побеспокоил Василия. Месседж Васи содержал только вопросительный знак, и Давид был вынужден повторить просьбу.

– Давид Николаевич, – послышался приятный голос администратора гостиницы.

Буров подошел к стойке.

– Все готово. Ваш номер на тридцать втором этаже. Лифты справа от входа. Вон там.

Она показала Давиду направление, и он, взяв электронный ключ, двинулся в нужную сторону. Второе сообщение от Васи пришло в тот момент, когда Буров подходил к номеру. Оно содержало новый восьмизначный код, и Давид с облегчением выдохнул, введя его в программу отслеживания. Через секунду на экране его книжки вновь загорелся маячок, указывая на то, что объект поисков Бунова пребывал здесь же, в гостинице, на цокольном этаже. Давид спустился вниз, чтобы определить, где именно находился Дима. Это оказалось несложно: план этажа и идентификатор местонахождения Хоченкова были синхронизированы настолько хорошо, что Буров уже через несколько секунд стоял у двери ресторана «Тритон», задумчиво разглядывая ее. Перед ним оставался ряд вопросов, без ответа на которые он не мог двинуться дальше. Первый и самый главный – что он обнаружит, войдя в ресторан. А точнее, кого. Хоченков ужинает один или со своим другом? А может, большой компанией? Буров отошел от дверей ресторана и, присев на удобный мягкий диванчик, стоявший чуть левее входа, погрузился в раздумья. И тут, как это часто бывало, Бурову помогла фортуна: дверь заведения распахнулась и из нее выкатился Дмитрий. Немного рассеянный взгляд и покачивание при ходьбе говорили о том, что ужин у бывшего капитана транспортной полиции прошел в обстановке праздничной, в которой наверняка имел место алкоголь, и, скорее всего, алкоголь крепкий. Хоченков не обратил никакого внимания на сидевшего на диване Давида и нетвердой походкой направился к лифтам.

– Дмитрий Сергеевич! – крикнул ему Буров.

Поднявшись с дивана, Давид устремился к Хоченкову. Тот замер от неожиданности, а потом совершил нечто странное – бросился бежать по коридору в сторону пожарного выхода.

– Стоять! – приказал Давид.

Его голос, страшный и громкий, пригвоздил Хоченкова к полу.

Давид не спеша подошел к беглецу, а тот в свою очередь так же медленно повернулся вокруг своей оси и уставился на Бунова. Глазки Хоченкова бегали из стороны в сторону со скоростью, превышавшей все допустимые для этого нормы, а на высоком лбу блестели капельки пота.

– Вы из службы судебных приставов? – испуганно спросил он.

– Да, – мгновенно отреагировал Давид, – пристав-исполнитель Буров. Отдел взысканий Центрального района города Нарима.

Дима вытер рукавом светлой свободной рубашки пот со лба и пробормотал, отойдя на шаг назад:

– Как вы меня здесь-то нашли?

– Мы работаем в связке с полицией. А теперь еще и ФСБ подключилась. Хорошо, что я раньше добрался. А то ничего бы с тебя уже не получил.

– ФСБ?!

Дмитрий отступил еще на шаг.

– Да. Девчонок с поезда зачем сняли?

– Девчонок? – закрутил глазами Хоченков.

– Девчонок, – повторил Давид. – У одной из них отец заботливый. Да хотя у второй, скорее всего, тоже, но здесь уж так карта легла. Ты наличными будешь платить?

– Дай мне уйти, – прошептал Дмитрий, – а я тебе еще сверху накину.

– Не надо сверху. Расскажи лучше, где девчонки. И где коллега твой?

– Пашка в номере, – затараторил Дмитрий, – дрыхнет. А девки и студент в соседнем корпусе. Там пятый этаж весь выкуплен Викторией Викторовной. У нее там и бизнес-пространство, и апартаменты, и чего только нет.

– Кто это?

– Виктория Викторовна?

– Да.

– Удивительная женщина. Женщина-загадка. Женщина-бронепоезд. Но сейчас ее нет, завтра приедет. Рори за нее.

– Охраны сколько?

– Два бойца всего. Мы с Пабло девок проводили до апартаментов. А Рори домой уехал. Утром только явится. Там вообще все очень навороченное в плане безопасности, поэтому и двух бойцов много. Давай с карты снимем, а? С наликом беда.

– Пойдем присядем, друг.

Давид кивнул в сторону диванчика, и Хоченков обреченно поплелся за ним. Они сели, и Дима, заполнив большую часть дивана, проникновенно посмотрел на Бурова.

– Смотри, – сказал тот, разглядывая капельки пота, стекавшие по выдающемуся лбу собеседника куда-то в сторону не прекращавших беготню глазок, – я тебя обманул. Я не пристав. Я частник. Меня наняли, чтобы девчонок найти. Картина ясна?

Хоченков замотал головой, изображая непонимание.

– Мы их только три часа назад с поезда сняли. Никто не может знать, что они исчезли. Маяков на них нет. Мы проверяли, – растерянно проговорил он.

– Дима, не льсти себе. Всё все знают. Все. И скоро будут здесь. Давай сделку: ты помогаешь мне их вытащить из этих чертовых апартаментов, а я отпускаю тебя на все четыре стороны. Я очень быстрый. Ни полицейские, ни контора раньше завтрашнего утра сюда не доберутся. У тебя фора будет, часов шесть точно.

– Я без Пабло не поеду.

– И это очень, очень похвально, – улыбнулся Буров. – Это характеризует тебя как человека порядочного. Уедешь со своим Пабло. Мне до него дела нет. Но сейчас мы его будить не станем. Ни к чему прерывать хороший сон. Не полезно.

– Он плохо спит. В последнее время один и тот же кошмар видит. Как будто садится в вертушку, а там его какое-то чудовище засасывает и на молекулы и на атомы разрывает. Он от боли дикой орет и просыпается...

– Интересно... – задумался Буров.

– Его в последнее время в вертушки вообще не затащить. Бойтся.

– Ясно, – резюмировал Давид. – Слушай, ну тем более не надо будить. Пусть хоть какое-то время поспит нормально. Пошли.

– Куда? – не понял Дима.

– В апартаменты. Мне они не откроют, а тебе – возможно.

– Ладно, – грустно вздохнул Дима и поднялся с дивана. – Пошли.

За ним встал и Буров, и они медленно направились к лифтам.

8

Никто из тройки узников так и не заснул, хотя Рори, показывая им комнату, высказался вполне однозначно:

– Слушайте сюда, котятки! Вот ваши койки. Очень даже удобно. Выбраться и не пытаться – невозможно. И стены крепкие, и мужички за этими стенами. Поймаю при попытке к бегству – накажу. Сурово. Ясность есть?

Молчание было ему ответом, и он продолжил, приняв его за знак абсолютного согласия:

– А завтра приедет Виктория Викторовна и определит вашу дальнейшую судьбу. В большей степени это касается, конечно, тебя, студент... С девчонками-то все более или менее понятно...

Рори сверкнул глазами в сторону Глеба.

– Короче, всем спать! Ясность есть? – рявкнул он напоследок и вышел из комнаты.

Щелкнул замок, и Глеб тут же кинулся к двери и принялся ее осматривать. Но не обнаружил ничего, даже ручки. Дверь представляла собой абсолютно гладкую металлическую поверхность, открывавшуюся исключительно с внешней стороны. Девочки разбрелись по койкам, а Глеб минуты две возбужденно побегал по десяти квадратным метрам комнаты и тоже лег на оставшуюся койку с правой стороны от двери. Еще через шестьдесят секунд погас свет, управление которым также осуществлялось извне. Так они и проворочались каждый на своем месте где-то около часа молча, а потом Валентина все-таки подала голос:

– Есть хочется, блин...

– А мне жить, жить хочется! – мгновенно отреагировал Глеб. – Слышали, что этот корытщик нес?

– Да не, – попыталась успокоить парня Карина, – из-за меня все. Им деньги нужны.

– А если нет? – продолжал нервничать студент. – А если их наняли для мести? Если твой папаня кому-нибудь не тому дорогу перешел? Такое может быть?

Карина молчала в задумчивости, и Валентина решила отвечать за нее.

– Может, – подтвердила она.

Ее реплика вывела Карину из состояния спокойствия.

– А ты-то откуда знаешь? – не очень-то вежливо спросила она.

– Новости городские читаю, – отозвалась та.

– И что там?! В новостях? – еще сильнее разволновался Глеб.

– Ее папа подмял под себя всю розничную торговлю цветами в городе, – сообщила Валентина.

В ответ раздалось несогласное хмыканье Карины и вопросительный возглас Глеба.

– Писали, что там как минимум три человека имеют на него очень большой зуб, – добавила Валя.

– Но речь же не идет о миллиардах долларов? – засомневался Глеб. – Кто будет из-за этого детей красть?

– Я уже давно не ребенок! – запротестовала Карина.

– Ты его дочь, – не согласился студент. – И я так понимаю, единственная наследница.

Правильно?

– Наследница! Слова-то какие. Еще скажи – принцесса!

– На горошине, – мрачно вставила со своей койки Валя.

– Валентина, это ты бурлишь или твой живот с голодухи? – рассмеялась Карина.

– Ты еще смеяться можешь? – продолжала нервничать ее подруга.

– А что? – вдруг закипятилась Карина. – Что? Плакать, что ли? Не поздно? Ребята, я вот не помню, чтобы, когда я одежду со своими маленькими электронными доносчиками в утиль сдавала, кто-то из вас меня за руки хватал, останавливал или ругал. Наоборот: давай-давай. А ты...

Карина попыталась рассмотреть Валу сквозь абсолютную темноту их камеры.

– Ты свою одежду тоже выкинула, хотя у тебя-то никаких жучков не было!

– А может, были! – обиженно фыркнула та.

– А может, и были, – обреченно согласилась Карина.

Она демонстративно повернулась на другой бок, забыв, что здесь эти ее жесты никто просто не разглядит.

– Ты знаешь, кого твой батя нанял? – спросил Глеб, естественно, не заметив, что Карина всем своим видом показала, что не желает больше разговаривать.

Молчание собеседницы ничуть не смутило студента: он всерьез беспокоился за свою жизнь, поэтому продолжал оценивать сложившуюся ситуацию, рассматривая ее со всех сторон. Он повторил вопрос, и Карина, повернувшись обратно, сообщила ответить:

– Понятия не имею. Но теперь, мне кажется, это не имеет ровным счетом никакого значения. Найти нас невозможно. Максимум – город. Но, блин, Нарим – огромный такой лабиринт. Надо думать, как самим выбраться.

– Самим выбраться! – передразнила подругу Валя. – Ты коротышку слышала? А если не получится? Что он с нами сделает?

– А может, коротыш блефует? – предположила Карина.

– Не хочется проверять... – протянула Валя.

– А жить – хочется, – снова взялся за свое Глеб.

– Хочется – будешь, – неожиданно изрекла Карина и во второй раз отвернулась к стенке.

Минут двадцать в комнате снова висела тишина, а потом ее опять нарушила Валя.

– Все. Я – сплю, – сообщила она своих планах и добавила скорее уже для себя: – А то еще немного, и я кого-нибудь из вас съем. Наверное, тебя, Каринич, студент какой-то костлявенький.

Глеб обиженно фыркнул и хотел что-то возразить, но в этот момент в темнице загорелся свет, а еще через секунду раздался характерный щелчок электронного замка, и железная дверь открылась, явив заключенным усталое лицо Бурова. Из-за его плеча выглядывал Хоченков, красный от перенапряжения, но уже чуть более спокойный, чем раньше. Давид прошел в комнату и внимательно все осмотрел. Узники ответили Бурову такими же внимательными взглядами, и лишь неполная информация о происходящем добавляла к ним небольшую порцию страха.

– Ребята, подъем, – спокойно произнес Давид.

Он старался ничем не напугать и без того встревоженный коллектив, хотя что-то внутри него требовало иронизировать, устрашать и злословить.

– Вы кто? – спросила Карина.

Голос ее оставался по-прежнему бодрым, но и там все-таки появились нотки недоумения.

Буров бросил на нее пронизательный взгляд.

– Меня зовут Давид Буров. Я частный детектив с лицензией Д-5.

– Это высший уровень, – прошептал все еще бледный Глеб.

– Рад, что ты в курсе, мой юный друг, – отреагировал Буров.

Карина села на кровати и, улыбнувшись, уточнила:

– Вас мой папа нанял? Чтобы найти?

– Чтобы сопровождать, милая. Сопровождать. А вы проявили самостоятельность и этим немного добавили мне работы. А финансирование, выделенное твоим высокоуважаемым отцом, фиксированное. Так, чтобы вы знали. Вставайте, нам лучше здесь не задерживаться.

Ребята засуетились и повскакивали с коек. Хотя собирать было особо нечего, Давиду удалось вычленив их из помещения только минут через пять. Хоченков молча улыбался, наблюдая за телодвижениями собравшихся, но глазки его, небольшие, немного влажные, продолжали беготню.

Они вышли из камеры, пройдя метров двадцать по светлому пустому коридору, свернули направо и почти сразу уперлись в огромную титановую дверь. Буров возглавлял отряд и, поравнявшись с дверью, остановился и обернулся к девушкам и парню.

– Ребята, если кто-то из вас хочет опять поиграть в «Зарницу» или симпровизировать что-нибудь еще, то сейчас самое время сказать об этом, – объявил он, разглядывая напряженные лица молодых людей. – Я уважаю ваш юношеский максимализм. Но в настоящий момент он, к сожалению, расходится с моими задачами. В основном, конечно, это касается Карины Гарифовны. Она в любом случае уйдет со мной. А вы – останетесь здесь. За суперпрочной дверью, сделанной то ли из титана, то ли из какого-то сплава, этот самый титан содержащего. Будете дожидаться Викторю Викторовну. А Виктория Викторовна – человек, говорят, серьезный! Да, Дмитрий Сергеевич?

– Очень серьезная женщина, – заверил Дима, – женщина-загадка.

– Женщина-бронепоезд, – пробормотал Глеб. Затем торжественно сказал Бурову: – Я, Глеб Василевич, клянусь, что впредь никогда в жизни не допущу подобной импровизации и уж тем более никаких «Зарниц».

– Чудно, – кивнул Давид и посмотрел на Валу.

– Я тоже, – буркнула та.

– Ну вот и славно. Тогда вперед, – улыбнулся Буров.

Он открыл дверь и переступил порог; компания устремилась за ним, и через секунду они обнаружили себя в большом (по сравнению с той камерой, где их заперли) помещении, представлявшем собой некую смесь ресепшен и холла. По правую руку от них располагались несколько рабочих мест; сейчас два из них занимали мужчины в одинаковой темно-синей форменной одежде, видимо, охранники, оставленные Рори присматривать за пленниками. Руки мужчин были заведены назад и прикованы наручниками к поперечным перекладинам одинаковых офисных стульев. Один из охранников, помоложе, встретил компанию грубой ухмылкой.

– Вы еще пожалеете! – выкрикнул он и злобно посмотрел на Давида.

– Благодарен вам, мой друг, что даже в такой, скажем откровенно, непростой ситуации, несмотря ни на что, вы остаетесь аполетом вежливости и обращаетесь к моей, безусловно, скромной персоне на «вы».

– Да я не к тебе вовсе, а ко всей вашей группке обращаюсь, – процедил сквозь зубы охранник и добавил, немного подумав: – Носастый хрен!

– Ну что ж, тогда я забираю свои слова обратно и прощаюсь с вами, мой друг, оставляя вас с коллегой в таком, прямо скажем, не самом динамичном состоянии. Знаю, что не далее как завтра ваши друзья, возглавляемые неким Рори, а может быть, даже Викторией Викторовной, безусловно, освободят вас.

При упоминании Виктории Викторовны молодой охранник побледнел, а его коллега нервно дернулся, но оба не проронили ни слова. Буров, отдав им должное небольшим уважительным полупоклоном, покинул помещение, и ребята послушно последовали за ним. В коридоре теперь шедший первым Хоченков вдруг замер от какой-то внезапно посетившей его мысли, поэтому сначала Буров, а затем и все остальные уткнулись в его широкую спину. Дмитрий медленно повернулся и посмотрел на Давида.

– У них камеры натканы везде, – пробормотал он.

– Видел, – ответил Буров. – Из-за этого ты создал паровозик, друг мой?

– Ага, – нервно ухмыльнулся он, – гнаться будут.

Буров задумался, разглядывая бегавшие глазки Хоченкова. А потом невозмутимо сказал:

– Пусть гонятся. Может, повеселимся.

В итоге через три минуты они стояли напротив аэротакси, все-таки дождавшегося Бунова. Давид кивком пригласил ребят занять места в салоне, а сам повернулся к Дмитрию, который ни на шаг не отставал от их маленькой группы.

– Ты свободен, брат, – улыбнулся ему Давид.

Тот лишь кивнул в ответ и еще сильнее завращал глазами, неотрывно глядя на припаркованный аэромобиль. Буров протянул ему ладонь и, отметив крепкое рукопожатие Хоченкова, уточнил:

– У тебя по приставам, кроме алиментов, висит еще штраф за превышение?

– Ну да. Разок только поймали. Я знаю все их камеры и ловушки.

– А что гоняешь-то? – поинтересовался Давид.

Дима уставился на него в абсолютном непонимании вопроса. По всей видимости, езда с превышением скорости была его совершенно естественным состоянием. Буров, так и не получив ответа, направился к аэротакси, но чуть-чуть не дойдя до него, повернулся и снова посмотрел на Дмитрия, который и не думал двигаться с места.

– Дима, – сказал ему Буров, – ты бросай эту чушь.

Давид кивнул в сторону серой громады здания, из которого они только что очень удачно выбрались.

– Ты прирожденный гонщик. Есть полупрофессиональная лига. Знаешь же наверняка. Туда вход стоит пятьдесят тысяч и свое авто. Гонки каждую неделю. Треки по всей стране. Хватит валять дурака. Ферштейн?

Буров подошел к аэротакси и сел на ближайшее к пилоту место.

– Куда летим, начальник? – спросил его водитель.

Давид, не отвечая, продолжал смотреть на Хоченкова сквозь темное солнцезащитное стекло машины. Взгляд Дмитрия впервые за все время их взаимодействия был абсолютно четко сфокусирован на окружающей его среде. Хоченков глядел на правое крыло аэротакси и улыбался.

– Дай бог памяти, друг мой, – наконец ответил Буров, – есть у вас мини-отель «Миранда»... Где-то на северо-западе.

Пилот немного покопался в бортовом компьютере и, отыскав нужное место, радостно воскликнул:

– Нашел! Все, полетели!

Проехав метров сто, он поднял свой агрегат в воздух и, набрав разрешенную высоту, направил аэромобиль на северо-запад. Минуты три они летели молча, но затем пилот, не очень жаловавший тишину, спросил у Бунова, скосив взгляд на его гордый профиль:

– Давно в Нариме-то не были, начальник?

– Три года и шесть месяцев, – улыбнулся Давид.

– Точность – вежливость королей? – ухмыльнулся таксист.

– Как знать, как знать. Три года и шесть месяцев назад я приезжал в Нарим, чтобы попытаться договориться с женой, которая на тот момент уже подала на развод.

– Договорились?

– Не удалось.

– Есть хочу! – вклинилась Валентина.

Буров, повернувшись к ней, мягко произнес:

– Придется еще немножко потерпеть, милая.

– А сейчас она где? – не отступал пилот.

– Кто?

– Жена ваша. Бывшая.

– В Москве. Она в Нариме работала, в мэрии, а потом ее в Москву позвали. На повышение.

– Из Нарима в Москву? Провинилась? – скривился таксист.

– Да, – иронично ответил Буров.

Дело в том, что Нарим являл собой одно из трех экспериментальных пространств страны, где еще несколько десятилетий назад официально перестали бороться с коррупцией. Многовековая битва с этой напастью раз за разом заканчивалась ничем, и в итоге где-то в семидесятых прошлого века руководство решилось на смелый эксперимент. Выбрали три региона и легализовали в них взятки, но объявили пожизненное заключение за подкуп должностных лиц в любом другом регионе страны. И теперь любой чиновник мечтал рано или поздно, но все-таки оказаться в Нариме, где все законодательство было выстроено так, что уже и не приходилось ничего выдумывать – лишь пользуйся ясными, проверенными десятилетиями схемами.

– Елизавета отработала в должности заместителя председателя имущественного комитета Нарима без малого четыре года и за это время стала миллионершей. Но, кроме всего прочего, она ведь очень четкий профессионал, и в Москву ее перевели именно поэтому. К тому же алчность была уже накормлена, и она потихонечку выходила из-под прессинга многовековой нищеты, отраженной в ее генетическом коде.

– А вы?

Пилот вновь проявил любопытство, и вновь вопрос был задан как-то не очень внятно.

– Что я? – пришлось переспрашивать Бурову.

– Ездили за ней?

– Нет. Я Питер люблю. Она моталась. Да мы и развелись вскоре после ее перевода.

– Почему?

Давид задумался, а таксист, решив, видимо, что залез туда, куда не стоило бы, добавил:

– Если, конечно, можно.

– Ты понимаешь, она прирожденный дизайнер интерьеров. Такую красоту может сделать с нуля. Свет из тьмы. И главное, самой нравится. Ну вот и оказалась она между молотом и наковальней: изнутри долбит алчность и желание набить закрома, а снаружи муженек – не тем, мол, занимаешься. Она этот гордиев узелок и рубанула. Не в мою пользу.

– Понимаю, о чем вы, – вздохнул таксист. – Я с женой тоже собачусь. Она все бубнит: сколько можно баранку крутить, займись своими курочками нормально...

– Ты фермер? – спросил Буров.

– Да, есть хозяйство. Люблю это. Но шоферить тоже люблю, черт возьми. Понимаете?

– Да, – сказал Давид. – У моей – так же. Любила госслужбу. Дисциплина, аккуратность, соцпакет. Часто злилась: ты-то, мол, делаешь, что хочешь, а почему мне не даешь? Так и обменивались любезностями день за днем.

– Добрались! – радостно воскликнул пилот. – Вон ваша «Миранда»!

Он показал рукой куда-то вправо и аккуратно посадил машину. Ребята немедля выбрались из такси, а Буров на секунду задержался, прощаясь с шофером. В конце концов тот улетел, и Давид, кивнув ребятам в сторону, противоположную отелю, сказал:

- Пошли, детвора. Тут чуть-чуть. Полтора квартала.
- Так вот же «Миранда»! – возмутилась Карина.
- Точно. Но остановимся мы не в ней.
- А где же?
- Покажу.

И они гуськом двинулись по мокрому асфальту тротуара. Стояла глухая ночь, и улица была абсолютно пустой. Минут через десять компания подошла к небольшому пятиэтажному зданию, на фасаде которого гордо красовалась вывеска «Сиракузы».

– Вот здесь, – устало проговорил Давид, – здесь мы совершим остановку, но сразу хочу вас предупредить, будет она очень недолгой.

Буров пользовался услугами «Сиракуз» дважды и оба раза оставался очень доволен этим местом. В холле он попросил ребят подождать его на диванчике справа от входа, а сам оформил номер, состоявший из двух сообщавшихся друг с другом комнат. В итоге через пять минут компания заселилась, а еще через пять спала мертвым сном. Глеб – на диване в одной комнате с Буровым, а Карина и Валя на большой двуспальной кровати в соседней. Причем Валентина уснула первой, несмотря на самые громкие заявления по поводу желания подкрепиться. Давид, критически оглядев свой спящий пионерский отряд, достал из мини-бара маленькую бутылочку виски и, вылив ее содержимое в стакан, находившийся там же, присел в кресло, которое предварительно перетащил к двери в номер и поставил таким образом, чтобы из него нельзя было выйти. Затем открыл книжку и продолжил знакомиться с файлами Стасова.

Две тысячи сто одиннадцатый оказался урожайным на неудачные телепортации. В ноябре известный немецкий офтальмолог и хирург Филип Мойзес должен был из Ганновера перебраться в Цюрих, где его ждали на суперсрочную операцию. Однако в Цюрихе Филипа не оказалось, и пациентом пришлось заняться его другу, коллеге и ассистенту Томасу Рейме. Рейме забрался в вертушку сразу за Мойзесом, но, в отличие от первого, вышел из другой такой же в Швейцарии. Пятидесятилетний Филип на фотографии был лыс, скуласт и очень хмур.

Давид сделал глоток и перешел к следующему файлу. Седьмым потеряшкой оказался армянский музыкант Гагик Мовсисян, который вместе со своим джаз-бэндом перемещался с одних гастролей на другие. В июле две тысячи сто тринадцатого Гагик последним из всего коллектива зашел в вертушку в Марселе и так и не присоединился к ребятам в Лиссабоне. Мовсисян успел отпраздновать сорок три дня рождения и был таким же лысым, как и Филип Мойзес, но не в пример тому весел, по крайней мере, на фотографии.

Давид допил стакан и поставил его на пол рядом с креслом. Глаза его закрывались от желания отправиться в царство Морфея, но он силой заставил себя прочесть восьмой файл. Тот содержал информацию о заместителе мэра небольшого шведского городка. Звали его Ульм Свенсон, и он осенью две тысячи сто пятнадцатого хотел попасть в Осло, переместившись туда из Копенгагена. Ульму тогда было чуть за тридцать, а выглядел он еще моложе. С фотографии на Давида смотрел белокурый голубоглазый юноша с небольшой бородачкой и улыбкой, светлой, как и весь его облик.

Буров дочитал информацию о шведе и, закрыв книжку, положил ее на пол рядом с опустевшим стаканом. Он не хотел больше сдерживать огромное желание хоть немного поспать, да и смысла теперь не было, поэтому Буров вытянул ноги, откинулся в кресле и уже через несколько секунд оказался во власти сновидений.

Сначала появилась Лиза, которая всегда приходила к нему, когда он засыпал, выпив хоть немного. Она была одета в черный брючный костюм и белую рубашку, видимо, только с работы. Но ее волосы, длинные, огненно-рыжие, уже струились по плечам, говоря о том, что рабочий день закончен и теперь начинается совсем другая история. Она сидела на кухне их первой петербургской квартиры в четырехсотметровом небоскребе-кондоминиуме, маленькой, но очень уютной. Сидела и молча смотрела, как он варил кофе. Потом прервала тишину, спросив: – Буров, как думаешь, меня отправят в Нарим?

Давид молча доварил кофе и, разлив его по чашкам, поставил одну из них перед женой. Она все еще продолжала напряженно разглядывать его, ожидая ответа, но Буров так и не дал его. Вместо этого он подвинул свой стул почти вплотную к ее и, оказавшись совсем рядом, поцеловал Лизу. Как всегда и бывало, вспыхнул от вкуса ее губ и огня пахнувших жасмином волос, окутывавших теперь и его голову. Она ответила на поцелуй, и Давид, подхватив жену на руки, отнес ее в единственную в этой квартире комнату. На этом месте, как, собственно, и обычно, пожар ярких волос Лизы сменился на огненный рассвет в каком-то незнакомом Бурову месте. Он сидел на камне, огромном, монументальном исполине, и ноги его, обтяну-

тые снизу чем-то похожим на кожаные сапоги американских индейцев, не закрывали собой и треть своеобразного стула. Буров понимал, что солнце вставало, а не садилось, хотя ярко-красный, кровавый цвет небес так однозначно не указывал на это. Камень располагался на холме, и перед Давидом открывался чудесный вид на залитую алым светом прерию. Холмы сменялись ровными участками, песчаные перекаты – зарослями ковыля, а за ними загадочно поблескивал, отражая едва пробивавшиеся сквозь рассветные облака лучи солнца, водоем – небольшое озеро, вокруг которого Давид разглядел несколько крупных животных, издав далеко напоминавших ему бизонов. Он пристально смотрел в сторону озера, готовясь к появлению всадника, и тот, не заставив себя ждать, вскоре показался на горизонте и черной точкой стал приближаться к нему. Давид проверил лежавший рядом с ним карабин и замер в напряжении. Всадник скакал очень быстро, и уже через несколько минут вместо черной точки Буров мог достаточно четко разглядеть плащ и широкополую шляпу наездника. Бизоны разбежались, почуяв неладное. Давид положил руку на карабин, не спуская взгляда с приближавшегося человека. Тот неумолимо надвигался, и Буров уже различал детали всей его фигуры, и только лицо, спрятанное за шляпой, оставалось закрытым от его глаз. В небе появился кондор – предвестник того, что скоро Бурова вытащат из этого частого для него сна. И действительно, не успела птица сделать и пары кругов над всадником, как прерия погрузилась во тьму. Далее сон Давида не сопровождался более сновидениями.

9

А над Наримом рассвет выдался темный и мрачный, как и большая часть этого нового для планеты города. Солнце встало около половины пятого утра, а в семь Рори уже сидел напротив двух прикованных своими же наручниками охранников и угрюмо переводил взгляд с них на заспанного Попова, который расположился тут же, и обратно. Прическа его, сделанная, вероятно, в спешке, все-таки немного напоминала то, что было на голове вчера, но не имела ничего общего с волосами короля рок-н-ролла.

– Где твой дружок? – спросил Рори у Павла.

Красавчик нервно зевнул.

– Я не сторож ему.

Один из охранников – помоложе – промышчал нечто, желая вступить в диалог, но Рори прекратил невнятный поток звуков, выложив на стол реструктуризатор. Молчание, вызванное

этим, нарушил сам маленький хозяин грозного предмета. Процедил, глядя куда-то в угол комнаты:

– Погоди пока. Я скажу, когда можно будет начать доклад.

И снова обратился к красавчику:

– Не сторож, да? Но вы вместе прибыли в этот дом. В скромную обитель Виктории Викторовны. И покидать его должны были исключительно вместе. И желательно с моего ведома. По крайней мере, пока Виктория Викторовна в отъезде. Я не набиваю себе цену, это вопрос дисциплины. Вопрос порядка. Ясность есть?

– Неполная, – продолжал упираться Павел. – Я вчера, как расстались, спать пошел. Рубило – жесь. Дима отправился набивать утробу. Плюс выпил наверняка. Он почти всегда за рулем, а здесь типа свобода. Приходил или нет – не знаю. Я спал как сурок. Ты меня разбудил. Может, случилось что?

– Случилось! Случилось! – не выдержал второй охранник. – Он всех нас предал. Это он девок взял!

Рори мгновенно повернулся к говорившему и впился в его лицо своими маленькими злыми глазками.

– Продолжай, – велел он.

– После полуночи в дверь позвонили, я глянул в камеру, а там этот Дима ваш.

– А с ним мужик какой-то, – добавил молодой.

– И что? – спокойно осведомился Рори.

– Я громкую связь включил и спрашиваю его, что, мол, надо, – стал рассказывать первый, – а он отвечает: пустите, нужно срочно связаться с вами.

Охранник прервался и поднял глаза на своего маленького командира, но тот, никак не отреагировав на это, продолжал смотреть в угол.

– А в чем дело, спрашиваю, беда, отвечает, беда, – снова заговорил секьюрити. – Нельзя, уверяет, из коридора. Пусти. А с тобой кто, спрашиваю? Брат мой, объясняет, двоюродный. В Нариме живет. В гости заехал. Ужинали. А тут звонок из Питера. Беда! Нужно срочно вызывать Рори. Ну я и открыл. А этот брат двоюродный Хоченкова отпихнул, влетел и мне с двух рук по ушам как звезданул, я на секунду вообще потерял ориентацию. Где я, что я... В голове звенит. А потом он и его... – охранник мотнул головой в сторону коллеги, – и его вырубил.

Рори перестал разглядывать угол и поднял глаза на молодого охранника, приглашая его продолжить.

– Он в два прыжка около меня оказался, – промычал тот, – и троечку провел – два в голову и один в корпус.

И замолчал. Рори продолжал выжидающе смотреть на пристегнутого к стулу охранника.

– И? – наконец спросил он.

– И все, – промямлил парень.

– Что – все?! – сорвался Рори.

– Очнулся уже пристегнутым к стулу.

– Что же, – как будто успокоился Рори, – все ясно. Ясность есть. Ты впустил внутрь помещения постороннего, а ты не смог справиться с ним, хотя вам обоим созданы все условия для тренировок. Но в итоге мы возвращаемся к тому, с чего начинали. К тебе, мачо.

Рори вновь сфокусировался на Павле, а тот, понимая, что ветер переменился и погнал его корабль в сторону отмели, напрягся, не зная, чего ожидать от маленького растрепанного тирана.

– Итак, где твой толстый друг? Где Дима?

– Я не знаю, Рори. Я спал, говорю тебе.

– Ну так узнай! Свяжись с ним! Какие вопросы?

– Связывался уже. Пытался. Рори, я, может быть, выгляжу как-то не слишком интеллектуально, но поверь мне: я не идиот.

– Охотно тебе верю, мой милый, милый Пабло! И что же?

– Он игнорирует меня.

– Как же так? – делано возмущился Рори.

– Сам удивляюсь.

– Ладно, – устало выдохнул маленький крикун, – ладно.

Он посидел в молчании минуты, наверное, три, и все находившиеся в комнате также притихли, искоса поглядывая на него. Потом он сказал, обратившись к красавчику:

– Пабло, дорогой друг, сделай одолжение, выпусти на свободу моих мальчиков, – Рори кивнул в сторону охранников. – Ключи от наручников должны быть у них в карманах. В нагрудных. Посмотри. По крайней мере, должны быть по инструкции. У кого найдешь, того и выпускай. А нет – будут сидеть до завтра. Ясность есть?

– Есть, есть, – проворчал Попов.

Он направился обыскивать охрану и едва слышно пробормотал:

– А вообще-то, я на такое не подписывался – мужиков ощупывать.

Ключи нашлись только у молодого секьюрити. Его Павел и выпустил. Пожилой же завыл:

– Рори, он был, был там! Клянусь! Наверное, выпал, когда меня этот носастый по ушам долбанул! Для меня инструкция – это все! Священное писание! Клянусь тебе!

Рори жалобные крики выслушал молча, а потом связался с кем-то, нажав на маленькую черную кнопку, примостившуюся на стене справа от двери. Ему почти сразу ответил усталый низкий голос с небольшим восточным акцентом:

– Да, Рори, слушаю.

– Ахмед, собирай всех. Всех ребят. Всех, кто в городе.

– Случилось что?

– Девки сбежали. Не без помощи внешних сил. А у Виктории Викторовны уже возникли определенные ожидания. Смекаешь?

– Это нехорошо, – спокойно отозвался голос Ахмеда.

– Так я о том же.

– Что за силы?

– Зайди, Ахмед, так неудобно. Всех под ружье, а сам приходи.

– Сейчас, – сказал тот и выключил связь.

Пришел минут через десять: огромный, метра два, широкоплечий, хмурый. Сел прямо напротив Рори, даже не взглянув на оставшегося пристегнутым охранника. Рори коротко рассказал ему, что случилось. Ахмед задумчиво почесал бритый затылок и, повернувшись к освобожденному охраннику, показал пальцем на крохотную, притаившуюся у самого потолка точку видеокamеры. Парень, поняв его без слов, кинулся в маленькую техническую комнату, расположенную за их рабочими местами и через пару минут вывел на монитор, вмонтированный в стену напротив двери, картинку с видеозаписью. Экран показал Рори, Ахмеду и красавчику Пабло происходившее здесь несколько часов назад. В принципе увидели они ровным счетом то, о чем и рассказывал охранник. Компания молча просмотрела коротенький документальный фильм, а затем Ахмед пробасил, угрюмо разглядывая пожилого секьюрити:

– В самом начале он тебе по ушам двинул и к мальцу побежал. Там ровно секунду он вверх смотрит, прямо в камеру.

Затем обратился уже к молодому:

– Останови и увеличь это. Понял?

Тот молча ретировался и еще через пару минут вывел на экран непроницаемое лицо Давида с выдающимся посередине него носом.

– Ну и что это за жук? – спросил Рори, переводя взгляд с Пабло на Ахмеда и обратно. – Жук-носорог?

Попов стыдливо молчал, так и не поняв пока поведения своего друга, а Ахмед, внимательно рассмотрев замершее на экране лицо, сказал, откинувшись на спинку стула:

– Это не жук, тем более не носорог. Это Дава Буров.

– Еще раз, Ахмедик, – буркнул Рори. – Для особо одаренных.

– Это – Давид Буров, – повторил свою идею Ахмед.

Рори молча сверлил его глазками, а тот, спокойно развалившись на стуле, по-прежнему не отрывал взгляд от застывшего на экране носастого лица Бурова.

– Я пересекался с ним в Питере, давно. Он тогда следаком работал. По особо важным. А я с ребятами в качестве силовой поддержки приехал из Нарима. Брали каких-то наркоторговцев что ли, не помню уже. Серьезных.

– Похоже, он больше не следак, – сказал Рори.

– Похоже, – согласился Ахмед.

– Но от дел не отошел.

– Не отошел.

– Ты еще что-нибудь о нем знаешь?

– Нет. Мы тогда отработали влет. За два часа все сделали. Он – круто все исполнил. Мы тоже не подкачали. Больше не виделись.

– Похоже, он частник и работает на Фатахова, – проворчал Рори.

– Похоже на то, – снова согласился Ахмед.

– И как нам его искать, не подскажешь? Ясность есть?

Ахмед же занимался все тем же – сидел, откинувшись на спинке стула, и продолжал изучать лицо Бурова. Потом спросил, повернувшись к Рори:

– А как он нас нашел?

Тот задумчиво посмотрел на него, а потом перевел взгляд на Попова.

– У вас на хвосте пришел.

Красавчик нервно заходил по комнате.

– Попов! – рявкнул Рори.

Тот сделал еще несколько шагов и вдруг, резко остановившись прямо напротив маленького крикуна, проникновенно посмотрел на него.

– Или Попов? Как правильно? Он пришел сразу за вами! А девок забрал с твоим толстым другом! Соображай! Или мне придется тебя Виктории Викторовне скормить! Понимаешь? Ей в любом случае надо будет на ком-нибудь выместить гнев. Ясность есть?

Павел не ответил, но присел на стул рядом с Ахмедом и, положив локти на стол, обхватил ладонями голову. Над комнаткой нависла тишина: Ахмед снова уставился на экран, Рори – на Павла, а пожилой охранник смотрел на молодого коллегу – с завистью и чем-то похожим даже на злость. Эта мизансцена молчания длилась около трех минут, а затем Павел, оторвав ладони от лица, обратил счастливый взгляд к Рори.

– Что ты лыбишься? – разозлился тот.

Улыбка красавчика только стала еще радостнее.

– Дима Хоченков, кореш мой лепший, больше всего на свете боится медленной езды, бывшей жены и хирургического вмешательства.

Все головы повернулись к нему в ожидании продолжения, и оно последовало незамедлительно.

– Вот ты, Ахмед. Ты сколько проработал в органах?

– Десять лет, – невозмутимо сказал Ахмед.

– А боишься чего?

Рори нервно прошелся до двери и обратно, а Ахмед с олимпийским спокойствием продолжал отвечать Павлу.

– Энцефалитных клещей.

– А бывшую жену?

– У меня нет бывшей жены.

– А текущей?

– И текущей нет.

– А хирургического вмешательства?

– Нисколько. Я спортсмен. Приходилось.

– Понятно, Ахмед. А скажи, уволившись из органов, ты жучка вырезал? Ложился в больницу?

– Конечно, – подтвердил Ахмед. – К чему мне это удовольствие?

– Ты смельчак.

Тут Рори не выдержал и прервал их ровный и не совсем понятный ему диалог высоким нервным визгом:

– Хватит! О чем ты?!

– Рори, я о том, что Ахмед твой – смельчак. Уволившись из органов, удалил из своего спортивного тела обязательного для всех государевых служащих электронного сексота. А мой друг Митя Хоченков, который немалую часть своей жизни отдал службе в органах транспортной полиции, боится больниц и так и ходит с этой штуковиной.

– И ее очень несложно активировать, особенно если есть соответствующие связи, – все так же бесстрастно отреагировал Ахмед.

– Именно, – сказал Попов. – Это его жучок привел к нам сюда погоню. Ясность есть?

Павел иронично посмотрел на Рори. Тот задумался. Потом спросил:

– А Буров этот, как я понял, тоже из бывших, да, Ахмед?

– Я же говорил, да.

– Интересно, а он своего жучка удалил?

– Твою мать!

Впервые за все время разговора Ахмед проявил эмоции. Повторив свою сентенцию еще раз, он встал и быстро направился к двери.

– Это легко проверить, – крикнул он, уже выйдя за порог, – очень легко.

Дверь за ним закрылась, оставив Рори и компанию в чуть более спокойном ожидании.

10

Буров проснулся около восьми и, дав ребятам еще минут пятнадцать спокойного сна, разбудил их звучной армейской командой:

– Подъем!

Девочки лишь слегка зашевелились, Глеб же подскочил как ошпаренный и сел на диване, протирая заспанные глаза.

– Сколько времени? – выпалил он.

– Четверть девятого. Опаздываешь куда?

Глеб некоторое время полусонно разглядывал Бурова, уже прошедшего через ванную комнату и потому имевшего вид вполне себе презентабельный, затем ухмыльнулся и тоже направился умываться.

Давид проверил, что происходило в соседнем помещении. А там ровным счетом ничего не происходило: девицы вновь провалились в сон. Буров повторил свой яростный клич. Он оказался чуть более эффективен: Валя села на кровати, видимо, вспомнив, что давно уже ничего не ела, а Карина зашевелилась и буркнула из-под одеяла что-то вроде:

– Что это вы там раскричались, мистер?

– Да я еще и не начинал кричать... – возразил Давид и добавил, надеясь, что эта информация поднимет девчонок чуть быстрее, чем армейские команды: – Умывайтесь – и пошли завтракать.

Сказанное мгновенно сдуло с кровати Валентину. Она полетела в сторону ванной комнаты, Карина же, понимая, что в связи с этим ей теперь торопиться некуда, спокойно села на кровати и осмотрела обстановку.

Минут через двадцать компания спустилась вниз, в ресторан отеля, и позавтракала, после чего, налив себе кофе, Давид озвучил ребятам свои идеи по поводу дальнейших перемещений. Обращался он в основном к Карине:

– Факты таковы, милая... – начал он.

Карина, немного опешив от подобного официоза, тоже потянулась за кофейником.

– Твой очень уважаемый мною родитель нанял меня в целях сопровождения в вашем путешествии по территориям. Я решил прикрепиться к вам не сразу. Однако произошло то, что произошло: к вашим юным персонам, оказалось, существовал интерес не только с моей стороны.

– А кто? Кто хотел нас зацапать? – спросила Карина, делая глоток ароматного напитка. Ответить взялась довольная завтраком Валентина:

– Ты не помнишь, что этот Рори там ляпнул? Кто-то из окружения твоего папы!

Она с вызовом посмотрела на Бурова, ожидая от него поддержки.

– Возможно, – спокойно ответил тот. – Меня это, если честно, волнует крайне мало. Интересно вот что: отстанут ли они или устроят погоню? Это первое. И есть еще вторая сложность. Вчера меня ангажировали на другое, немного странное спецзадание, от которого, к сожалению, отказаться крайне сложно, я бы сказал, невозможно. Теперь смотри: даже один из перечисленных фактов делает ваше путешествие по территориям невозможным. Понимаешь меня? Карина?

– Нет, – сухо ответила та.

– За вами идет охота. А я не смогу вас сопровождать. И перепоручить теперь не смогу. Если бы просто сопровождать – это одно дело. А в условиях охоты – нет. Сейчас яснее?

– Да, – подтвердила Карина. – И что дальше?

– Вернемся в Питер. Ты – под крыло к отцу. А ты, – Давид посмотрел на Валу, – свободна в своих перемещениях. Не думаю, что ты им интересна без Фатаховой.

Валентина скривилась:

– Я одна не поеду. Скучно.

– Логично. Значит, с нами в Питер.

– А я? Можно, я тогда отправлюсь в Нижний?

Давид задумчиво посмотрел на все еще бледное лицо парня и, сделав глоток кофе, сказал:

– Погоди, Глеб. Погоди. Ситуацию по тебе мы чуть позже обсудим.

– Какую еще ситуацию? – насторожился студент.

– Фамилия у тебя слишком знакомая, – тихо проговорил Буров.

– И?

– Попозже, Глеб. А пока в Питер, с нами.

Студент примолк, уйдя в напряженные размышления, а Давид допил кофе и аккуратно поставил опустевшую чашку на стол. И ровно в этот момент истеричным и очень противным звуком заверещала его книжка, а еще через секунду ее экран загорелся, и перед всей честной компанией возникло круглое, гладко выбритое лицо Стасова.

Полковник нервно поприветствовал Бурова:

– Дава, ты в порядке?

– Здравствуй, товарищ полковник. В полном. Случилось что?

– Случилось, Дава! Тридцать минут назад пришел запрос на активацию твоего... – Стасов запнулся, пытаясь высмотреть находившихся рядом с Буровым людей. – Кто это там с тобой?

– Свои. Не продолжай, я понял, о чем ты.

– Дава, я обожаю твой острый ум. Но дело в том, что я еще вчера отдал распоряжение все активировать. Правда, не слежу, потому что всецело тебе доверяю. К тому же там через коллег надо запрос делать, то есть тратить время и усилия.

Буров оставался абсолютно спокойным.

– Я понимаю и это. Вариантов у тебя не было: я подписался в неразглашении. Скажи мне, запрос пришел из Нарима?

– Ага.

– По ФИО или прямо по идентификационному номеру жука?

– По имени.

– Круто.

Давид встал из-за стола и, выйдя из ресторана, сел на уютный диван в холле.

– Я тебе сейчас скину один номерок, он уже активирован. Ты его в ответ на запрос вышли. Выдай за мой. Это их немного отвлечет.

– Может, шуганем просто?

– Не отцепятся – шуганем. А я через пару часов в Питере буду. Ты мне вот что лучше скажи: как себе представляешь работу по той информации, что мне дал? И с чего ты взял, что именно двое из них в России?

Стасов молча смотрел на Давида через экран его старенькой потрепанной книжки и смешно вертел глазами, разглядывая кончик выдающегося носа сыщика.

– Я не знаю, Дава. – наконец вымолвил полковник. – Тебя зовут Давид Николаевич Буров, не меня. Ты был одним из лучших по оперативно-разыскной работе в стране, не я. Вот ты мне и скажи как. Если бы я знал, сам бы их всех и нашел, зачем тогда мне ты... А касательно двух – это все яйцеголовые. Академики. Расчеты разброса пучков электромагнитных излучений. В общем, вся подобная чушь. Если бы та их информация не подтвердилась, никто бы в эти бредни не верил. А теперь каждое их слово воспринимается наверху как истина в последней инстанции. И вообще, Буров, не нервируй меня! Скидывай номер!

Экран погас так же резко, как и загорелся, соединение пропало. Давид тихонько выругался и вернулся в помещение ресторана. Карина допивала кофе, а Валя с Глебом, полностью завершив трапезу, что-то жарко обсуждали между собой. Внезапное появление Бунова прервало их диалог. Он снова сел за уютный, уже убранный столик, и на него очень внимательно посмотрели шесть глаз. Ребята молчали, ожидая, что им расскажет их спутник, а Буров не спешил продолжать беседу, невольно играя на их юных, еще пока не истрепанных опытом нервах. Наконец он поделился с молодыми людьми своими соображениями.

– Ребята, действуем так: на аэротакси добираемся до Питера. Там ты, Валя, сама уже едешь домой, а мы с тобой, – Давид повернулся к Василевичу, – проводим нашу цветочную принцессу до ее дворца. Как план?

– Нормально, – проворчала Валя.

Буров посмотрел на Карину.

– Я так понимаю, других вариантов нет? – спросила та.

– Ты правильно понимаешь, милая.

– Тогда нормально.

Давид перевел взгляд на Глеба.

– Нормально! – выкрикнул тот. – Но все-таки я не совсем пока осознал свою скромную роль в этом замечательном процессе возвращения беглянок домой.

– Я тоже, – пробормотал Буров. Потом значительно громче добавил, разглядывая красивое, ничего не выражавшее лицо Карины: – Сидите здесь. Я вызову аэротакси.

Через десять минут компания вышла на залитый солнечным светом тротуар улицы Маяковского. Аэротакси еще не было, и они замерли в ожидании, купаясь в этих теплых утренних лучах. Мимо сновали люди, спеша по своим делам, и один из них, крупный пожилой мужчина в красивом черном костюме, слегка задел Бунова плечом, неправильно рассчитав траекторию. Давид даже не успел разозлиться, тот бросил в его сторону: «Извините!» – и продолжил идти, зато Глеб, открыв рот, смотрел на удаляющуюся спину мужчины. Тут подъехало такси, и Буров, галантно пропустив вперед девушек, подтолкнул Глеба в сторону транспортного средства. Парень медленно пошел к открытой двери, а Давид прикрикнул, подбадривая студента:

– Глеб, ну что ты?

– Ничего, – ответил Глеб и устроился на заднем сиденье такси, что-то буркнув себе под нос.

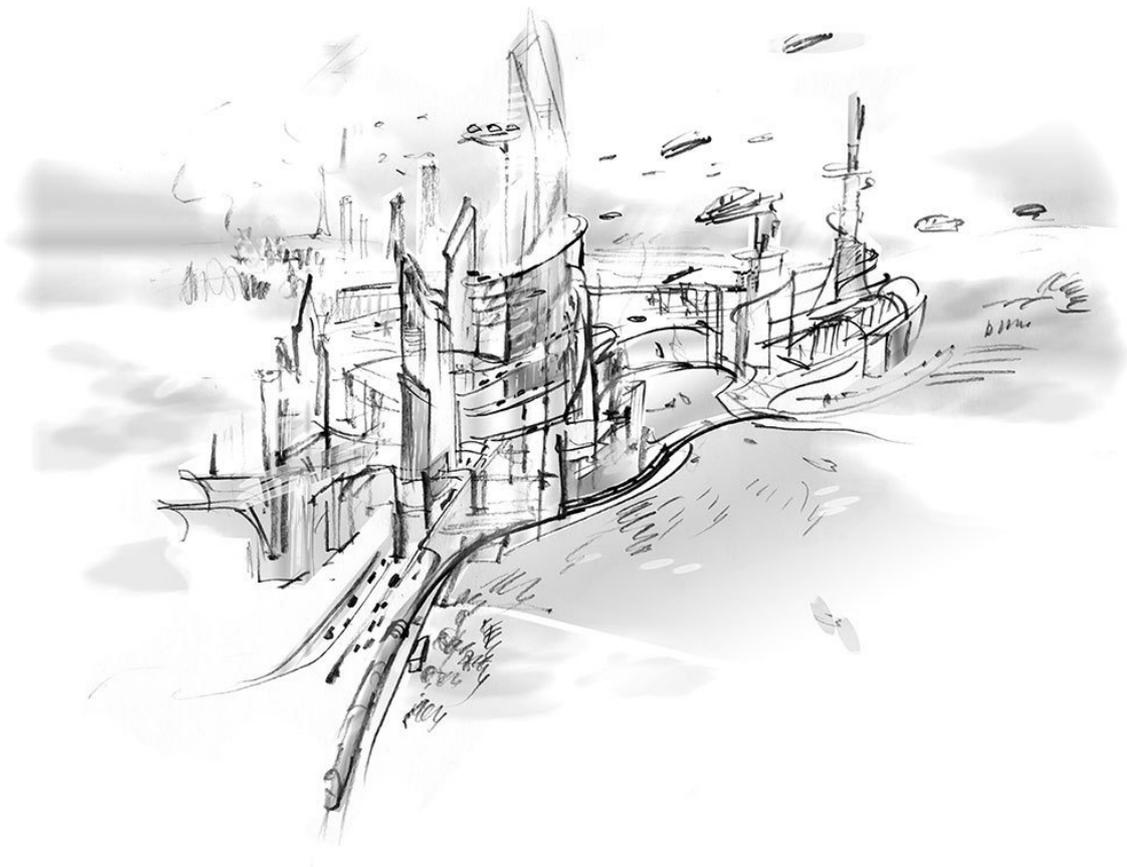
Давид сел вперед к пилоту, и они отправились в путь. Уже над Пулковскими высотами таксист спросил у Давида, не отвлекаясь от маршрута:

– В Питере-то какой адрес?

Давид задумался и, не найдя ответа в книжке, обратился с таким же вопросом к Карине.

– Мы живем в частном домовладении в Сестрорецке. Недалеко от залива, – сказала она.

– Здорово, – ответил ей Буров. – Я это знаю. А адрес-то у вашего частного домовладения есть?

Карина назвала адрес, и таксист, ловко вбив его в свой компьютер, продолжил полет в сторону Финского залива. В итоге через двадцать минут компания выгрузилась из аэрокара на мелкий гравий дороги рядом с высоким темно-зеленым забором и такими же откатными воротами. Лето в этом году выдалось очень жарким, а сегодняшний день уже с утра бил всяческие рекорды: температура приближалась к тридцати пяти. Буров, прикоснувшись ладонью к воротам, тут же отдернул ее: металл ограждения уже был обжигающе горяч. Давид оглянулся к Карине.

– У тебя ключи-то есть?

– Ребята, я еще нужен? – вмешался в разговор таксист.

Давид задумался и ответил через несколько секунд:

– Подожди пока, друг любезный.

Карина подошла к воротам и нажала едва заметную маленькую кнопку справа. Через минуту механизм пришел в действие, а Карина пояснила:

– Открываются либо с пульта, либо из машины, когда подъезжаешь. Но я с собой пульт не стала брать. Дома всегда кто-нибудь есть. Даже если папа уехал, откроют либо управляющая Роза, либо папин помощник – Кирилл Августин Тирий.

– Кирилл Августин Тирий? – переспросил Давид.

– Да. Урожденный Кирилл Тустин. Он увлекается историей Римской империи, увлекается так сильно, что сходил и поменял себе имя.

Ворота полностью открылись, и компания проникла внутрь. Давид в свое время много контактировал с Фатаховым, но дома у него никогда не был, поэтому сейчас с интересом рассматривал трехэтажный особняк, построенный в стиле русской загородной усадьбы. Перед вхо-

дом в здание стоял внешне молодой парень, одетый в спецовку цвета хаки. На его бледном интеллигентном лице ярко вырисовывались темно-синие пятна под глазами, говорившие о том, что их обладатель не очень хорошо выспался или вовсе не спал всю ночь. Буров, находившийся в авангарде отряда, первым подошел к парню и представился, протянув руку:

– Давид.

– Кирилл Августин Тирий, – устало проговорил помощник.

– Папа в офисе, что ли? – улыбнулась ему Карина.

Помощник Фатахова, нахмурившись, нервно посмотрел на Давида. Потом начал говорить, тщательно подбирая слова:

– Карина, Гариф Зарифович в больнице. В частной клинике на Суворовском. Его туда вчера из офиса увезли. В бессознательном состоянии. Ни диагноза, ничего пока нет. Кое-кто из его охраны думает, что покушение. Врачи подозревают инсульт. Но все неточно. Тете твоей сообщили. Она сказала, быстро не сможет приехать...

Карина, открыв рот и округлив глаза, слушала Кирилла Августина, а Буров, повернувшись к Вале и Глебу, приказал им:

– Быстро в машину!

Затем обратился к Кириллу.

– Во сколько это произошло? – спросил Буров, разглядывая синяки парня.

– Между четырьмя и пятью вечера.

– Кто из службы безопасности считает возможной версию покушения?

– Рейнгольд.

– Артур?

– Да.

– Карина, все, в машину.

Буров взял ее под локоть и потащил назад к открытым воротам. Она не сопротивлялась, находясь в состоянии абсолютного непонимания происходящего.

– Вы куда? – крикнул Кирилл, но ответом ему стали стремительно удалявшиеся спины.

– А мама твоя где? – спросил у Карины Буров, усаживаясь обратно в аэротакси.

Карина молчала. Спустя минуту за нее ответила Валя:

– Они разведены с ее папой. Она ее даже не помнит. Ничего, что я?

– Куда едем-то? – обреченно выдохнул пилот.

– Куда едем-то... – задумчиво повторил за ним Давид.

Подумав пару секунд, Буров назвал адрес. Пилот так же быстро, как и в прошлый раз, внес его себе в бортовой компьютер и, включив автоматическое управление, спокойно наблюдал за людьми в салоне.

– А что это за адрес? – поинтересовалась Валя.

Реакции не последовало, поэтому подождав немного, Валентина повторила заход, уже чуть более конкретно:

– Это ваше жилище?

– Нет, – ответил Буров, – ко мне в текущей ситуации лучше не соваться.

– Куда же мы летим?

– В квартиру моей бывшей жены, – тихо проговорил Давид.

– Она нас пустит? – не отставала Валя.

– Ее там не будет. Она в Москве живет. У меня есть ключи. Разрешила оставить.

Буров, усмехаясь, посмотрел на Валентину и неожиданно добавил:

– У нее на балконе растет супердорогая плодоносящая пальма, выращенная где-то на Карибах.

– И что? – не поняла девушка.

– Ты умеешь поливать супердорогие плодоносящие пальмы, выращенные где-то на Карибах?

– Мне кажется, это не очень сложно, – произнесла Валя, – для человека, только что поступившего в одно из самых престижных высших учебных заведений страны.

– Но не на аграрный факультет же, – продолжал пустую болтовню Давид, стараясь вывести девчонок из напряжения возникшей ситуации.

Тут в дело вмешался Глеб, спросив у Булова:

– Вы разве не поедете в офис? К тому секьюрити, который что-то подозревает?

– Глеб, не стоит засыпать меня вопросами. Я же сказал: мы едем в квартиру к моей бывшей жене Елизавете, женщине столь красивой, сколь и умной...

– Все сожалеете? – перебила его Валентина.

– Нисколько, милая. А то, что она подала на развод, лишь подтверждает верность второй части моего высказывания.

– Умная, – буркнул Глеб.

– Да, Глеб. А Артуру, кстати, я уже написал и очень попросил заглянуть в то место, куда мы, собственно говоря, и приедем через каких-нибудь десять – пятнадцать минут.

И действительно, через пятнадцать минут таксист пошел на плавное снижение, а еще через минуту аккуратно посадил машину на крышу высоченного жилого комплекса. Булов, а за ним и его молодые попутчики выбрались из такси и, спасаясь от сильнейшего ветра, друг за дружкой быстро устремились к входу в здание. Давид шел первым, и его мимика говорила лишь о недовольстве порывами воздуха, бившими прямо в лицо. Валентина бежала за ним и, улыбаясь чему-то, шурилась от того же самого. За ней следовал Глеб, и на лице его читались напряжение и глубокая задумчивость. Карина же, замыкавшая отряд, бледная и расстроенная, угрюмо смотрела в спину студенту. Через несколько секунд группа исчезла внутри огромного кондоминиума, затем, миновав большой красивый холл, на лифте спустилась вниз и оказалась в маленькой, но уютной квартире – сразу и не определишь, что жилец приезжает сюда нечасто. Квартира делилась на три зоны: кухонную, гостиную и спальную; вход во все эти зоны осуществлялся из общего, достаточно широкого коридора, по стенам которого были размещены различные встроенные шкафы. Давид усадил Карину на диван в гостиной, а Валу и Глеба отправил на кухню с репликой:

– Поищите там, может, найдете что поесть...

Сам он также приземлился в гостиной на кресло и первым делом залез внутрь встроенного в стену бара, завуалированного под репродукцию Мане. Давид вытащил оттуда уже далеко не полную бутылку виски и два стакана и, поставив все это на журнальный столик справа от кресла, открыл книжку. Карина сидела молча, уставившись в одну точку, а ребята затихли на кухне: похоже, действительно нашли что-то вкусное.

Булов открыл файлы Стаса и вчитался в его завершающую информационную справку. В отличие от предыдущих сообщений в последнем документе сведений о пропавших не было, просто текст, написанный, по всей видимости, Стасовым. Если дословно, то документ гласил следующее. «Про Барбару Доллс ты уже знаешь, хронологически она четвертая. Но есть еще кое-что. Точнее, кое-кто. Об этом факте не писали в СМИ, его сразу засекретили. Подобный случай зафиксировали впервые, а исчезнувший парень оказался сиротой, поэтому трубить в трубы Иерихона о нем было некому. Произошло все двадцать пять лет назад. Семнадцатилетний воспитанник детского дома пытался переместиться из Петербурга в «Артек». Короче, в Крым. Вместе со своими однокашниками. Подарок такой им сделали. Местные власти да один религиозно настроенный бизнесмен. До «Артека» добрались все, кроме него. Инцидент замяли, а все данные о нем засекретили до такой степени, что теперь их нет даже у нас. Имени – и того не осталось. Короче, это тебе просто для информации, по нему не работай, смысла нет.

Только время потеряем. Восемь целей у тебя, две из них точно в России. По крайней мере, яйцеголовые убеждены в этом. Добро?»

Давид дочитал файл и критически посмотрел на свою книжку. Затем взгляд его остановился на бутылке виски, и Буров, взяв ее, аккуратно налил светло-коричневую жидкость в стоявший тут же стакан, наполнив его как минимум наполовину. Потом посмотрел на Карину, которая по-прежнему сидела на диване, словно оцепенев.

– Ты когда-нибудь пробовала двадцатилетний шотландский... – попытался расшевелить ее Буров.

Вопрос его прервал звуковой сигнал из коридора, означавший, что кто-то хотел попасть в их временное пристанище. Давид отправился в прихожую и на засветившемся экране в верхней правой части входной двери увидел хмурое небритое лицо Артура Рейнгольда, сотрудника службы безопасности Фатахова. Он открыл и жестом пригласил Рейнгольда в гостиную. Артур невозмутимо оглядел Карину, затем бутылку виски, а Буров все так же молча наполнил и второй стакан до половины и, протянув его вновь прибывшему, кивнул в сторону дивана. Карина, не меняясь в лице, подвинулась, освобождая место для гостя. Артур взял стакан, сел и провел левой ладонью по немного взъерошенным каштановым волосам.

– Удобно ли говорить? – спросил Рейнгольд, косясь на Карину.

Буров сделал небольшой глоток виски и, улыбаясь, ответил:

– Неправильно, мой друг, как мне кажется, что-либо скрывать от нее. Она уже взрослый человек.

Карина по-прежнему хмуро молчала, а Рейнгольд, тоже отпив немного, сказал:

– Ну неправильно так неправильно. Факты таковы: ему стало плохо вчера около четырех часов вечера.

– Потерял сознание?

– Да. Шухер подняла его секретарь Ангелина. Вызвали эскулапов. Те прилетели минут через десять. Сразу забрали.

– Обедал?

– В том-то все и дело, что нет.

– Посетители?

Давид отпил еще немного виски.

– В первой половине дня. Часов в десять приехали поставщики из Нидерландов. Беседовали минут тридцать.

– Чай гоняли?

– Нет. Те от кофе отказались.

– А около двенадцати приехала незнакомая никому дама и просидела у него примерно десять минут.

– Как выглядела?

– Маленькая, худенькая, темненькая. Лет сорок.

– Имя есть?

– Наверняка есть. Но нам оно неизвестно. Для нее он попросил кофе.

– А себе?

– Себе нет. Дама уехала, а Гариф вышел из кабинета только один раз – в районе двух – и попросил Ангелину принести ему информацию по продажам за текущие сутки. Она принесла. А потом около четырех к нему постучалась: юристка ломилась на аудиенцию. А он без сознания на полу. Она в скорую...

– Значит, когда это случилось, точных данных нет? – спросил Буров.

– Точных нет.

– А с чего ты взял, что имеет место внешний фактор?

– Баба эта...

– А что с ней не так?

– Ты понимаешь, во-первых, ее никто не знает и никто никогда не видел у него. Такого, чтобы к Гарифу Зарифовичу приходил некто совершенно незнакомый, такого ну ни разу не было. А тут на тебе! И через какое-то время после ухода обмороченный...

– Никто не знает! – проворчал Давид. – Так давай узнаем! У вас там, как я помню, камера на камере и камерой погоняет. У меня сейчас в связи с особым поручением есть карт-бланш и допуски почти ко всем базам. Показывай ее фото.

Рейнгольд ухмыльнулся:

– По ходу движения от паркинга снизу (кстати, она приехала по земле) до кабинета Гарифа ее зафиксировали четыре камеры. Вот снимки, смотри.

Сотрудник службы безопасности Фатахова протянул Бурову свою книжку, на экране которой были размещены одновременно четыре фотографии женщины. На первой она шла к входу в здание по подземному паркингу и, наклонив голову, казалось, что-то рассматривала у своих черных, на высоком каблучке туфель. На второй, в приемной, стояла спиной к камере. В лифте тоже спиной. И наконец, перед входом в кабинет Гарифа что-то сосредоточенно искала в сумочке. Ни на одной из картинок не было видно ее лица.

– Интересно... – протянул Давид. – Машина?

– Черный «порше»...

– Номера, Арчи, номера? – перебил его Буров.

Тот вновь ухмыльнулся и показал ему еще одну картинку, на которой красивая спортивная машина была припаркована так, что обе камеры, в которые она теоретически могла попасть, не захватили даже кусочка ее номерных знаков.

– Припарковалась так, как будто новичок. Тяп-ляп, – усмехнулся Давид.

– Ага, – согласился Артур. – Санек на вахте тогда сидел. Он что-то подобное про нее и пробубнил, мол, дура дурацкая, машину купила навороченную, а парковаться не умеет.

Возникла пауза, во время которой мужчины сделали по глотку из своих стремительно пустевших стаканов. Карина рассматривала правый кроссовок. Наконец, прервав молчание, Буров пошел на последний заход, спросив:

– Арчи, у вас при входе, по-моему, у гостей считывают идентификационные номера? Раньше, по крайней мере, так было.

– Было, – невозмутимо согласился Рейнгольд. – И сейчас есть. Но это не касается личных гостей Гарифа. По его звонку мы пропускаем людей без фиксации и досмотра.

– А он по ней звонил?

– Так точно. Он по ней звонил. Как раз в тот момент, когда она стояла спиной к нашим автоматическим операторам.

– Очень любопытно... – задумчиво произнес Буров.

– И я о том же, – согласился с ним Рейнгольд.

– Ладно, Арчи. Ты рассказал свою историю, а теперь слушай мою. Карину, – Буров кивнул в сторону девушки, – ее подругу Валю и случайно прибившегося к ним студента, которые сейчас находятся на кухне в замечательной, уютной, хоть и пустой квартире моей бывшей жены Лизы, сняли с поезда в Нариме два интересных юноши. Юноши эти при более внимательном рассмотрении оказались наемниками некоего Рори, который, в свою очередь, работает на некую Викторю Викторовну. Я имел честь оказаться в их апартаментах в Нариме, откуда, собственно говоря, мне и пришлось извлечь нашу принцессу и ее свиту. Они были заперты в помещении три на три, и их скорое освобождение, поверь мне, ну никак не планировалось. Думаешь, это совпадение?

– Вряд ли, – сухо отозвался Рейнгольд.

– Я тоже думаю, что вряд ли. Теперь дальше. В Нариме, как я понял, командовал парадом Рори, так как Виктория Викторовна, которую они все боятся там как огня, бледнея только при упоминании о ней, находилась в отъезде.

– Ты думаешь, что... – начал Артур.

Закончить ему не удалось. В дверном проеме неожиданно показалась голова Глеба.

– Я тоже хочу скотча, – попросил студент.

Реплика его осталась без внимания.

– А ты представь, что имеет место какая-нибудь иная версия, – ответил на незаконченное предложение Давид. – Можешь?

Артур помолчал, косясь на Карину, а потом сказал, набравшись необходимого для этого духа:

– Хорошо. Если мы предполагаем, что таинственная посетительница Гарифа Зарифовича и есть демонизированная в некоторых кругах Виктория Викторовна, то тогда почему он сейчас в больнице, а не в крематории?

– А мы что, ее планы знаем? – мгновенно отреагировал Давид. – Карина вон тоже жива-здоровая, сидит кроссовки свои рассматривает, хотя в помещениях принято разуваться. Может, у Виктории Викторовны и не было планов по устранению! Мы же не знаем. Пока.

– Не знаем, – согласился Артур.

– Мне можно стаканчик скотча? – не сдавался студент.

– Можно, – разрешил Буров, – возьми в баре бокал. Два, слышишь, два возьми.

Глеб вытащил из бара бокалы, поставил на стол, а Давид быстро наполнил их виски. Студент схватил свой и отошел в угол гостиной, видимо, не до конца поверив в свое счастье, а Буров поставил второй перед Кариной и повторил вопрос, который уже пытался задать ей некоторое время назад:

– Карина, ты когда-нибудь пробовала двадцатилетний шотландский скотч?

Та упорно молчала, рассматривая кроссовки.

– Выпей, – спокойно гнул свою линию Давид, – чуть полегче будет. Знаю, двадцати одного тебе нет, но я бывший полицейский, Артур тоже, поэтому под нашим присмотром – можно.

Тем временем в гостиную подтянулась и Валя. Буров на секунду отвлекся от Карины, рассматривая прическу Валентины, а Фатахова вдруг схватила бокал с огненной водой и, в два глотка осушив его, поставила обратно на стол. Давид молча покосился на Карину, а Рейнгольд пробормотал в ее сторону:

– Лучше помаленьку, детонька.

Буров потянулся к бутылке – там оставалось еще немного скотча – и чуть-чуть освежил свой стакан и стакан Артура, а остатки вылил Карине.

– Ты, Каринич, действительно, давай потихонечку. Слушай дядю Арчи. Более известного как Артура Рейнгольда. Он мужик головастый, хотя внешне и не скажешь.

Буров критически осмотрел Артура.

– А что тебя в моем внешнем виде не устраивает? – ухмыльнулся тот.

– Какой-то ты несурзанный. Неопрятный.

– Ох, извините, пожалуйста, – иронично пропел Рейнгольд.

Карина тем временем сделала еще один глоток, поменьше, и, поставив бокал обратно, вдруг произнесла громко, четко и ясно, вызвав тем самым всеобщее внимание:

– Это из-за меня все. Я виновата. Думала часто: чтоб ты сдох! Прямо так и думала. Он меня на вечеринку не пускает, так от злости лопалась. Сиж у себя и бешусь: лучше уж сиротой быть круглой, чем под такой вот опекой. Ну вот, а теперь сирота почти. Из-за меня все! Я виновата.

Буров, улыбаясь, посмотрел на нее.

– Каринич, ты действительно очень влиятельная персона, но не приписывай себе лишку. Я думаю, здесь-то как раз все и наоборот. Давай отталкиваться от фактов. Папа твой жив, хотя на данный момент и без сознания в больнице лежит. Но жив. Бог – он сильнее дьявола. А любовь – она сильнее ненависти. Папа твой жив, а это значит, что твоя любовь – она сильнее этих дурацких эмоций. И никакая ты не сирота. Понимаешь? Ну какая же ты сирота при живых матери и отце? Пусть одна и неизвестно где, а второй пока еще без сознания под капельницами.

Карина молча сделала глоток виски. В повисшую над гостиной тишину вновь вмешался студент. Он спросил, аккуратно опуская свой опустевший бокал на стол:

– А еще есть?

И тут вспыхнула Валентина.

– Ты что, Глебка, нажраться решил? Зачем? Страх приглушить? Все-таки думаешь совершить первое перемещение через вертушку? Хочешь довести себя до состояния амебы? Чтобы не так страшно было?

– Что ты разоралась? – попытался урезонить девушку студент. – От двух бокалов хорошего скотча еще никто во Вселенной в амебу не превращался!

– Ты что, никогда не перемещался? – вцепился в информацию Буров.

– Никогда... – с показной усталостью ответил Глеб.

– Почему? – спросил Давид, сверля его темными от виски глазами.

– Налейте еще стаканчик – расскажу!

– Тьфу ты! – фыркнула Валя. – У него дядя исчез, не добравшись до Сингапура. И он дрейфит. Думает, что и его засосет.

Буров встал и молча направился к бару. Вынул оттуда девственную в своей полноте бутылку такого же скотча, открыл ее и наполнил бокал студента.

– Дядя, говоришь? – спросил Давид, протягивая Глебу алкоголь. – Родной брат твоего отца? Василевич?

– Откуда вы знаете?

– Так ты же фамилию называл.

– Свою, – парень отхлебнул виски, – не дядину.

– Да. Но дядина есть у меня в списках. Фамилия красивая, белорусская. Не очень-то редкая. Поэтому я и помалкивал до поры.

– В каких еще списках? – не понял Глеб.

– В списках потеряшек, – улыбаясь, ответил Буров, – лостменов.

– А вы-то здесь при чем?

– А я, мой юный друг, тот, кого государство наняло, чтобы найти этих вот самых лостменов.

Над гостиной некоторое время повисело тягостно-удивленное молчание. Затем обязанности спикера вновь взял на себя Давид.

– Причем не просто наняло, а еще взяло подписку о неразглашении, так что теперь и вы должны хранить государственную тайну. А еще получаете официальный статус моих помощников и информаторов. Иначе говоря, дорогие мои, преклоните колени, я посвящаю вас в рыцари.

Хмурое молчание продолжало витать над комнатой. Через пару минут его прервал немного захмелевший Глеб:

– Мне кажется, я видел его. Как будто привидение какое-то.

– Кого? – спросил Рейнгольд, разглядывая свой стакан.

– Дядю.

На этом месте Буров закашлялся от попавшего не в то горло виски. Затем переспросил:

– Кого?

– Дядю. Только он как-то совсем изменился. Как привидение, говорю. А может, не он.

– Где?

– В Нариме. Когда в такси садились. Он пешком куда-то топал. С портфелем. А может, не он все-таки. Даже точно не он! Показалось.

– Нет, не показалось, – серьезно ответил Давид, глядя на улыбнувшегося после этой реплики Артура.

– Над чем смеешься? – обратился он к Рейнгольду.

Тот отхлебнул виски, а Глеб возмущенно уставился на Бурова.

– Это почему вы так уверены? Я видел человека, слегка смахивающего на моего пропавшего давным-давно дядю, и вовсе не могу гарантировать, что это он, а вы так безапелляционно утверждаете...

– Его поэтому и наняли, – продолжал улыбаться Артур. – У него талант поисковика. Мощный. И там, где зацепок никаких нет, ему тут же начинает благоволить удача. Был свидетелем.

– Дядя Арчи, прекращай свою демагогию. Я вас поздравляю, леди и джентльмены, мы снова едем в чудный город Нарим. В эту жемчужину русской архитектуры. В город демонов, стекла и бетона. В город-сказку...

– Хватит, а? – прервал его Рейнгольд. – Сам-то что демагогию развел? Кто едет? И когда?

– Завтра утром. Сегодня – отдых. А кто едет? Хороший вопрос. Отвечу так. Каринич, ты поедешь потому, что у меня обязательства перед твоим отцом. Правда, предполагалось, что я буду сопровождать тебя в твоих исканиях, но, видишь ли, получается наоборот. К тому же что-то подсказывает мне, что ты еще внесешь свой вклад в эту непростую, на первый взгляд, задачу. Глеб, ты поедешь потому, что никто лучше тебя не опознает твоего утерянного родственника, когда мы найдем его. Арчи, ты должен ехать потому, что, возможно, я не смогу следить за Кариной все двадцать четыре часа в сутки. И тут мне очень даже пригодится твой профессионализм. К тому же это твои прямые должностные обязанности. Гариф в больнице как, нормально охраняется?

– Более чем, – ответил Рейнгольд.

– Ну и славно.

Буров остановил взгляд на Валентине.

– А вот тебе причин ехать с нами нет.

– Как нет? – разволновалась та.

– Нет. Возвращайся домой. Начинай готовиться к учебному году. Ты информатор в резерве.

Валя с надеждой посмотрела на Карину, но та ушла в себя, раздумывая над словами Давида.

– Тебе такси вызвать или сама доберешься?

– Сама, – проворчала Валя на ходу.

– Все, – улыбнулся Буров, – так и делаем. А теперь, друзья, все разбредаемся по комнатам и отдыхаем. Из квартиры никому не выходить. Я вызову такси на самое раннее утро. Часов на пять. Поэтому ложитесь спать пораньше.

Буров поднялся с дивана и медленно направился в спальню. Компания осталась в гостиной и, когда дверь за Давидом закрылась, начала очень горячо обсуждать что-то. Буров же, не раздеваясь, лег на аккуратно заправленную кровать бывшей жены и, закрыв глаза, без особого рвения попытался сосредоточиться. Однако два стакана скотча сделали свое дело – Давид провалился в сон.

И оказался на огромном каменном исполине, а внизу раскинулась все та же кроваво-красная прерия, завораживающая своей предрассветной красотой. Черная точка всадника появилась на горизонте и начала перемещение к нему. Буров привычным уже движением проверил карабин и, взяв его в руки, стал ожидать приближения гостя. В этот раз над прерией куражился ветер, гоняя песок и высохшую траву. Всаднику, однако, он только придавал ускорения. Наездник стремительно двигался к Давиду, становясь все больше и больше. Самосознание Бурова в минуты этого сна всегда вело себя одинаково: он помнил все, что было в предыдущих эпизодах (он называл их командировками), но не помнил ничего из того, что наполняло его жизнь вне сновидения. Всадник мчался во весь опор, надвигаясь все ближе и ближе, и Давид, встав на огромном куске камня, поднял карабин. Он не шевелился, напряженно вглядываясь в движение гостя, и с каждой минутой сердце стучало все сильнее, а наездник выглядел все более и более четко. Наконец он приблизился настолько, что Буров смог разглядеть все, кроме разве что лица, оставшегося скрытым за широкополой шляпой и платком, за которым прятались рот и нос всадника. Он остановился метрах в тридцати от камня и, подняв вверх правую руку, большим пальцем показал Давиду, что его карабин находится за спиной и не несет никакой угрозы. Буров попытался спросить у гостя, что ему нужно, но изо рта не раздалось ни звука, как будто кто-то ответственный за движение сигналов от мозга ко рту выключил передатчик. В небе появился кондор и, сделав пару кругов над озером, стремительно полетел в их сторону.

– Время подходит, – зашипел голос в голове у Давида.

Даже на таком расстоянии Буров увидел яркий блеск в наконец показавшихся глазах всадника.

– Какое время? – мысленно спросил он.

Кондор, паривший теперь практически над ним, отвлек на себя внимание гостя.

– Какое время?! – уже закричал Буров, впрочем, все так же беззвучно.

И вывалился из сна.

Он уперся взглядом в красивые светло-зеленые глаза своей бывшей жены Лизы, которая сидела на краешке своей же кровати и иронично рассматривала Давида.

– Ты еще что здесь делаешь? – нервно спросил он.

Она ухмыльнулась и кивнула в сторону двери.

– Это ты лучше мне скажи, что тут делаешь! И что тут делают все эти люди. По всем комнатам моей уютной питерской квартирки раскиданы какие-то тела, Буров! Что это еще такое, а? Кто-то спит, кто-то пьет! Что за цирк? Мы же вроде бы в разводе, нет? Что у тебя здесь за оргия?

Давид сел на кровати.

– А сколько времени?

– Час ночи.

– И что, ты выгонишь что ли, всех? Там женщины, дети, старики.

– Какие еще старики?! – завопила Елизавета.

– А Рейнгольд тебе что, юноша?

– Так, Буров.

Красивое лицо Лизы приобрело спокойно-рассудительное выражение.

– Я тебя одного, заразу, выгоню. А остальных потерплю до утра. Тебе назло.

– Господи, время идет, а ничего не меняется. Когда ты уже прекратишь свои чиновничьи замашки? Тебе назло... Что это вообще такое?..

Давид прервался.

– И кстати... – после непродолжительной паузы снова заговорил он. – Ты все-таки что здесь делаешь? Плуг отстегнули?

Вопрос застал ее врасплох. Не успев придумать какую-нибудь правдоподобную версию, она сказала:

– Я уволилась. Я более не государственный служащий.

– Ух! – отозвался на новость Буров. – И кто же ты?

– Угадаешь?

– Боюсь даже предположить, – улыбаясь, ответил Давид.

– Я теперь буду работать здесь, в Питере. В фирме, которая занимается дизайном интерьеров. У меня месячная стажировка. Затем по контракту.

– Поздравляю.

Буров по-дружески пихнул Лизу плечом и снова улыбнулся.

– Пока не с чем.

– Есть! Есть с чем, – сказал он и, добавив просительных ноток в звучание голоса, произнес: – Переночевать-то можно?

Лиза раздумывала, рассматривая маникюр.

– Только не здесь. Иди к своему старикану в гостиную. Господи, во что ты опять ввязался?

11

Рори угрюмо смотрел на Ахмеда, а тот с невозмутимым восточным спокойствием наблюдал за перемещавшейся по небольшому экрану бортового компьютера красной точкой электронного жучка Хоченкова.

– Он что, автогонщик какой-то? Этот твой Буров? Или аэрогонщик? Ясность есть?

Ахмед продолжал следить за движениями точки. Он выбрал переднее пассажирское сидение небольшого четырехместного бронированного аэрокара Рори, сзади устроился кра-

савчик Пабло, а сам маленький предводитель расположился на месте пилота. Сразу за ними был припаркован еще один аэрокар – больше Рориного раза в три, – в котором ждали распоряжений бойцы из отряда Ахмеда. Находились все они на юго-западе Москвы, куда их и привела из Нарима эта маленькая ярко-красная точка. А сейчас она стремительно от них удалялась, двигаясь на север.

– Ты со мной не разговариваешь, Ахмед? Я вопрос задал.

Ахмед оторвался от экрана и задумчиво посмотрел на Рори.

– Ну что ты, Рори, как я могу с тобой не разговаривать? Ты просто не совсем правильные вопросы задаешь. Какая нам сейчас разница, кто такой этот Буров – гонщик, спасатель или бакалейщик. Вопрос должен звучать так: как нам его догнать.

– Ну хорошо, хорошо.

Рори пригладил блестящий от геля кок и поправился:

– Как нам его догнать, Ахмед? Что думаешь?

– Понять его логику. Куда и зачем он так несется. Ведь мы же исходим из того, что он не знает, что за ним идет охота, так? Тогда зачем ему нестись, как будто за ним гонятся все черти преисподней?

– Очень просто, – сказал красавчик.

Обе головы, маленькая с высоким коком и большая с минимумом волос, повернулись к Павлу. Молчание длилось недолго. Рори не выдержал первым.

– Поясни! – взвизгнул он.

Одна наиболее непослушная прядь все-таки вырвалась из-под диктата мощнейшего геля для волос, и на секунду Рори стал похож на предводителя Третьего рейха.

– Да что здесь пояснять! – прокричал Пабло. – Глянь на динамику его движения!

Ахмед совершил какие-то колдовские пассы над бортовым компьютером, и через секунду там появился график перемещения красной точки из Нарима в Москву и по территории столицы.

– И что? – спокойно спросил Ахмед.

– Что-что! – передразнил Пабло. – Он из Нарима двигался без остановок вообще, а в Москве – аж пять раз тормозил. Зачем?

– Пописать? – предположил Рори.

– Думаешь, так боится? – улыбаясь, подыграл ему красавчик. – Тебя? Или Викторию Викторовну?

Рори замер на секунду, как будто где-то внутри его нейронной сети возникло короткое замыкание, полностью остановившее функционирование организма, а затем вернулся к жизни со словами:

– Виктория Викторовна сегодня завершила дела в Санкт-Петербурге и в ближайшее время вернется в Нарим. И что ее ждет? Холод пустых апартаментов? Разочарование? Тоска? Думаешь, она будет очень довольна, Пабло, мой мачоподобный друг? Ясность есть?

Ахмед тем временем вывел на экран адреса всех пяти остановок их подопечного.

– Интересно, – пробасил он, пробежав взглядом по строчкам.

– Мне тоже, тоже интересно, – продолжал Рори, обращаясь к Павлу, – что Виктория Викторовна с тобой сделает, когда узнает, как твой толстый друг нас всех предал. Сдастся мне, реструктуризация покажется тебе самым милосердным жестом с ее стороны.

Ахмед, не замечая ворчания Рори, закончил мысль, прерванную несколько секунд назад его маленьким боссом:

– Интересно, что у всех этих мест есть общая черта.

– Какая?

Павел всунул голову между сиденьями, пытаясь разглядеть экран.

– Букмекерские конторы, – ответил Ахмед.

– Букмекерские конторы!!! – завопил Рори и тем самым окончательно развалил свою прическу. – Он что, идиот, этот ваш сыщик?! Играть нужно не в Москве, а в Нариме!

Действительно, игорный бизнес в Нариме был легальным, как взятки и некоторые другие виды активности, а также препараты, за распространение которых в иных регионах граждан ожидало уголовное преследование. Наверное, именно поэтому население Нарима росло в геометрической прогрессии, перетягивая к себе людей со всех концов огромной страны.

– Не кипятись, Рори, не кипятись.

Ахмед оставался спокойным, как слон.

– Не кипятись, – повторил он. – Если какое-то явление имеет место в нашей чрезвычайно отзвучивой Вселенной, значит, в нем обязательно есть своя логика. Просто не всегда она видна сразу.

– Какая здесь, к черту, логика!!! – продолжал кричать Рори.

Кричать и дергать небольшой головой, что к концу его пламенной речи сделало его похожим на маленького черноволосого рокера, выпотрошенного длинным и очень энергозатратным концертом.

– Человек несколько часов назад уволок добычу из паутины не кого-нибудь, а Виктории Викторовны!!! Если продолжать этот ассоциативный ряд, черной вдовы! И вместо того, чтобы залечь на дно, он колесит по букмекерским конторам со скоростью, сравнимой со скоростью гепарда, если, конечно, вы не будете против, что я снова привел пример из учебника биологии!

– Ахмед, а что происходит? – ровным тоном поинтересовался красавчик.

– То есть что происходит? – переспросил тот. – Виктория Викторовна возвращается в Нарим, Рори нервничает, я тоже, а Буров с девчонкой стремительно удаляется от нас.

– Это понятно. Что происходит в городе? Глянь. На что можно сделать такое количество ставок?

Ахмед принялся искать. А затем начал выдавать информацию по мере ее поступления.

– Футбол в «Лужниках». Тараканьи бега в Филях. Стритрейс на северо-западе. Первые заезды сезона. Бои без правил аж в четырех местах города. Не интересуется?

– Где стритрейс? – непривычно тихо переспросил Рори, вновь впившись взглядом в перемещавшуюся точку.

– На северо-западе, – повторил Ахмед.

– Он там! – вновь вернулся к крику маленький тираноподобный мужчина.

– С чего ты взял? – посмотрел на него Ахмед.

– Гляди сюда!

Рори ткнул пальцем в мониторчик бортового компьютера: действительно, красная точка, стремительно удалявшаяся на северо-запад, вдруг замерла на месте, видимо, ожидая чего-то.

– Бои без правил на северо-западе тоже есть. На Волоколамке, – без эмоций проговорил Ахмед.

– И кто из них там дерется?! – надрывался Рори. – Он сам? Или он все свои сбережения поставил на Фатахову? Думаешь, она?

– Согласен, бред, – улыбнулся наконец Ахмед. – Но гонки на аэрокарах тоже как-то не очень.

– Здесь речь уже не идет о том, что очень, что не очень. Вся ситуация сама по себе бред. Поэтому давайте отталкиваться от фактов.

Рори попытался вернуть прическе первоначальный вид, собрав растрепавшиеся волосы в кучку маленькими ладонями. Безрезультатно: пряди вновь беспорядочно растеклись по черепу. Рори повернулся к Павлу.

– У тебя расческа есть?

Тот немного обиделся на вопрос.

– А почему ты у меня спрашиваешь? Почему не у Ахмеда?

Рори недоуменно посмотрел на красавчика, затем перевел взгляд на абсолютно лысую, как бильярдный шар, голову Ахмеда, потом снова на Павла. Тот понял, что сказал лишнее, и молча протянул Рори реструктуризатор.

– Зачем мне он? – удивился Рори. – Хочешь, чтобы я реструктуризировал тебя за тот бред, что вылетает из твоего рта?

– Нет, – без тени улыбки произнес красавчик. – Индивидуальная модель. Там с боку кнопочка, видишь? Нажми.

Рори аккуратно нажал на крошечный черный прыщик на корпусе оружия, и через секунду изнутри вылезла такая же черная, как и оно само, расческа.

– Мило! – серьезно ответил Рори. – А зеркальце у тебя есть?

Паша укоризненно посмотрел на него, а тот начал приводить в порядок волосы, параллельно объясняя свою позицию коллегам:

– Факты. Что значит «факты» в нашей непростой ситуации?

Он сумрачно оглядел мужчин. Те помалкивали.

– Факты, а точнее факт, у нас один. Этот вот долбаный ментовский сексот! – закричал Рори, тыча расческой в экран бортового компьютера. – А что он показывает? Что наш друг наконец приостановил свое безумное движение. И у нас есть его координаты. Предлагаю продолжить погоню!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.